

ДОМ КОСТЕЙ

18+

НИКИ ПАУ ПРЕТО

Young Adult. Заклинательница мертвых

Ники Пау Прето

Дом костей

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.111-312.9(71)

ББК 84(7Кан)-44

Пау Прето Н.

Дом костей / Н. Пау Прето — «Эксмо», 2023 — (Young Adult.
Заклинательница мертвых)

ISBN 978-5-04-197647-7

Готовь свой клинок, чтобы победить нежить. Мертвецы жестоки и непредсказуемы. Магия острова порождает нежить, с которой борется Дом Костей. Для Рен стать валькирией — воином, сражающимся с призраками, — это шанс укрепить свое место в доме и произвести впечатление на отца. Однако после проваленного испытания девушку ждет изгнание на границу разлома, вокруг которого бродят мертвецы. Но что, если ей представится случай вернуть уважение своей семьи? Когда похищают принца Дома Золота, явившегося в крепость с проверкой, Рен выпадает возможность проявить себя и спасти наследника. Даже если для этого придется пересечь границу в компании Джулиана — заклятого врага Дома Костей. Им предстоит работать вместе, ведь за исчезновением принца кроется реальная опасность — мрачный союз между живыми и мертвыми.

УДК 821.111-312.9(71)

ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-04-197647-7

© Пау Прето Н., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Глава	7
Глава	12
Глава	17
Глава	22
Глава	28
Глава	35
Глава	40
Глава	46
Глава	50
Глава	59
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Пау Прето Ники Дом костей

*ДЖЕССИ РЕЙ ФУРНЬЕ, лучшему источнику уверенности, о
котором девушка только может мечтать.
Не терпится оплатить тебе тем же.*

Nicki Pau Preto
Bonesmith

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Text © 2023 by Nicki Pau Preto

Jacket illustration © 2023 by Tommy Arnold

Jacket design © 2023 by Simon & Schuster, Inc.

All rights reserved, including the right of reproduction in whole or in part in any form

© Хусаенова Я., перевод на русский язык, 2024

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2024

* * *

Глава

1

– Приготовьте свои клинки.

Как один, ученики опустили колени в снег, держа оружие высоко над головой, на раскрытых ладонях. Валькирии, такие как Рен, носили с собой клинки, сделанные из костей умерших. Жнецы – серпы из сверкающей стали.

Солнце село, и звезды усыпали черное, словно чернила, небо. Час Могильщика настал. Серп луны вот-вот грозил появиться над очертаниями деревьев.

Испытание могло начаться в любой момент.

Сердце Рен заколотилось от предвкушения.

Ветви раскинувшегося перед ними леса стояли бледные и неподвижные, острые от протянутых рук и разинутых ртов. С раздробленными позвоночниками и треснувшими ребрами.

В конце концов, речь шла не об обычном лесе, а о Костяном.

Оторванные от земли, скрюченные и деформированные конечности.

Согнутые и сломанные.

Мертвые, бездушные кости.

Неуспокоенные, одержимые.

Да, человеческие, но и не только. Северные олени с остроконечными рогами и огромные шерстистые мамонты с изогнутыми бивнями. Древние кости неведомых зверей. Кости, оставшиеся с начала времен.

Костяной лес являлся одновременно и кладбищем, и тренировочной площадкой. Именно здесь костоломы проверяли свои навыки, улучшали свою магию... и показывали свое превосходство над нежитью.

Теперь, после многих лет тренировок и целой жизни в тени Костяного леса, Рен предстояло пересечь чашу и принять участие в испытании.

Она слегка приподняла голову, рассматривая учеников, стоящих на коленях по обе стороны от нее. Всего их было десять, облаченных в черный цвет Дома Костей, с глазами, подведенными черным жиром так, что глазницы казались впалыми, как у черепов. Свет, исходящий от призраков, и так был достаточно ярким, а на фоне снега становился ослепляющим, поэтому они использовали смесь воска и древесного угля, чтобы уменьшить блики. Это также подчеркивало их магическую составляющую – бледные, как кость, радужки.

Иногда, для более драматичного эффекта, Рен подводи́ла глаза до линии роста волос или красила черным губы. Хотя обычно учителя приказывали ей стереть это.

Иногда она намазывала смесь на зубы и широко улыбалась, чтобы напугать остальных. В Доме Костей, холодном и изолированном на самой северной окраине Владений, было не так уж много развлечений, так что Рен приходилось как-то выходить из ситуации.

Но не сегодня. Сегодня вечером Рен собиралась играть по правилам... для разнообразия.

Если она пройдет испытание, то всю свою жизнь будет служить валькирией Дома Костей. Во Владениях, где магия поднималась из глубин земли, мертвые, жестокие и непредсказуемые, оставались в мире живых до тех пор, пока костоправ не отделял призрака от его останков. В этом состояла обязанность жнеца.

Но не все призраки уходили мирно. Некоторые сопротивлялись, и вот тут задачей валькирии было защитить жнеца от нежити.

Без Дома Костей призраки наводнили бы земли, сделав их непригодными для жизни, какими они и были на протяжении многих веков. Подобная работа представляла собой нечто большее, чем простая рутина или призвание. Она была *необходимостью*.

Но это не означало, что Рен не могла ей наслаждаться.

Как и их собратья, валькирии также носили с собой кости. Они пристегивали их к предплечьям в качестве боевых перчаток и к груди – в качестве нагрудных пластин. Костяное оружие крепили ремнями за спиной и на поясе или заряжали в патронташи.

У каждого имелись свои предпочтения: Рен носила парные мечи в ножнах на спине, в то время как у Лейфа был широкий топор, сделанный из заостренной тазовой кости, а Инара же при себе всегда держала цепь с покрытым шипами черепом на конце.

Короче говоря, они были готовы к сражению. Полем битвы был Костяной лес, а врагом – нежить.

И хотя однажды им суждено было стать союзниками, сегодня другие ученики-валькирии были соперниками Рен. Она соревновалась с сыновьями и дочерями Дома Костей и его ответвлений, с выскочками со всех Владений, в чьих жилах почему-то текла кровь костоломов. Все они были кузенами или дальними родственниками, незнакомцами и чужаками, но не друзьями. Не семьей.

Во время одной из редких бесед отец объяснил ей это: костоправы связаны магией, а не любовью. Долгом, а не привязанностью.

Таков был обычай Дома Костей.

Чтобы здесь оказаться, Рен усердно трудилась, не щадила себя. Последние несколько лет она была лучшей ученицей-валькирией и сегодня вечером собиралась доказать это перед всеми: своими учителями и наставниками, а также перед главой Дома Костей – старшим костоломом Светланой Грейвен. Но прежде всего перед своим отцом.

– Тсс, – прошептал голос справа от нее.

Инара.

Из всех кузин Рен только Инара Фелл казалась достойным противником и могла составить ей конкуренцию. Они были одногодками, схожего роста и телосложения, поэтому на тренировках их часто ставили в пару. Хотя на этом их сходство заканчивалось. У Инары, чьи глаза цвета слоновой кости резко выделялись на фоне смуглой кожи, были жесткие черные волосы, заплетенные в тугие косички. У Рен же были белые, словно кость, глаза и такого же цвета волосы – всегда спутанные и неухоженные. Бледная кожа девушки была лишена всякого румянца. Организованная Инара следовала всем правилам и никогда не опаздывала. Рен же больше полагалась на интуицию, приходила и уходила, когда ей заблагорассудится, а правила рассматривала скорее как *предложения*, чем как законы, которым нужно четко следовать.

Сколько девушка себя помнила, они с кузиной всегда были готовы вцепиться друг другу в глотки, но сегодня вечером их пути разойдутся. После испытания каждую из них поставят в пару к жнецу и отправят путешествовать по Владениям, совершать ритуалы смерти и сражаться с опасными призраками, гарантируя упокоение *всем* мертвым. В противном случае они могут остаться забытыми на целые века, пока какой-нибудь несчастный дурак не откопает и не выпустит на волю целую орду нежити.

Когда-то так образовался Пролом, ставший самым мрачным испытанием для костоломов. Но именно в такие времена слагались легенды и выковывались герои, такие как дядя Рен – Локк Грейвен.

Однажды и Рен планировала добиться подобной славы.

Но сначала ей нужно было пройти испытание в Костяном лесу.

– Замолкни, – сказала Рен Инаре, не поворачивая головы. Обычно она была не против пошептать, даже в самое неподходящее время, но сегодняшний вечер был слишком важен для Рен, чтобы позволить себе отвлекаться.

Условия испытания были просты: до рассвета каждая пара валькирии и жнеца должна была благополучно пройти через Костяной лес, упокоив по пути трех призраков.

Но Костяной лес не пропускал путешественников так легко. В нем водились призраки, которые никогда не спали, и нежить, которая не обрела покоя.

И это не говоря уже о живых.

Рен не только должна была защищать своего жнеца от агрессивных призраков, но и сражаться с другими, пробирающимися сквозь деревья валькириями. Такими, как Инара, которая мечтала увидеть, как Рен терпит поражение.

– Хочешь добавить испытанию остроты? – выдавила Инара. Для того, кто любил соблюдать правила, этим вечером она была на удивление болтливой.

– Я же разговариваю с тобой, – протянула Рен. – Так что не думаю, что это возможно.

Да, Инара была достойной соперницей... но для Рен она также была занозой в одном месте, которая всегда наступала на пятки. Инара занимала второе место во всем, кроме нарушения правил.

В этом отношении Рен не было равных.

Инара осталась невозмутимой.

– Тогда сделай это ради него, – мягко сказала она. Поскольку они все еще стояли на коленях в снегу, Инара говорила, смотря на землю. Тем не менее Рен отчетливо расслышала ее слова. Она могла иметь в виду только одного человека.

Рен взглянула на своего отца.

Лорд Вэнс Грейвен, как и остальные судьи, стоял рядом со своей матерью Светланой на вершине подиума. Как наследник Дома Костей, он был обязан присутствовать на некоторых мероприятиях – независимо от того, участвовал в них его единственный ребенок или нет.

Отец едва заметно кивнул ей. Да, этот кивок обозначал признание, но также служил напоминанием.

– Я рассчитываю на тебя сегодня, – сказал он ей всего несколько часов назад. Они стояли на тренировочной площадке Мэрроу-Холла: над ними возвышались белые, как кость, колонны, а под ногами был черный песок. – Заставь меня гордиться тобой.

Для Рен это звучало как вызов. Она не видела отца три месяца и была полна решимости сделать так, чтобы он ею гордился. Она хотела побудить его остаться, хотя бы ненадолго.

– Да, отец, – вздернула подбородок Рен.

Несколько мгновений он молча разглядывал ее, а потом улыбнулся – неохотно и снисходительно.

– Мне сказали, что ты полночи сметала костяную пыль с книжных полок в библиотеке. Почему?

В ответ Рен не смогла сдержать ухмылку.

– Мне было скучно, – пожала она плечами.

Технически это было правдой. Она на спор залезла на книжные полки, именно потому, что заскучала на уроках. Когда библиотекарь застукал ее на высоте трех этажей, стоящей в грязных ботинках на первом издании «Дозора могильщика», наказанием стала уборка.

Светлые глаза ее отца забегали – как это часто случалось, он читал между строк. Всякий раз, нанося редкий визит домой, он расспрашивал Рен о ее занятиях и сопровождающих их наказаниях с таким серьезным видом, будто что-то выискивал. Доказательство ее способностей? Или их отсутствие? Тема казалась скучной даже для нее, так что вполне логично, что ее выходки развлекали отца. Это самое малое, что она могла сделать.

Он вздохнул, становясь суровым, но веселье все еще отражалось в его взгляде. Рен жила ради этой искры. Пусть она никогда бы не посмела в этом признаться, но она слышала истории о молодости Вэнса Грейвена. Он был как минимум таким же нарушителем спокойствия, как и она. На самом деле, учитывая скандальное происхождение Рен, ее отец был даже еще более несносным.

– Очень надеюсь, что недостаток сна не повлияет на результаты испытания, – сказал он с ноткой порицания в голосе.

– Не повлияет, – решительно покачала головой Рен.

Отец кивнул, затем, будто забыв о ней, повернулся, чтобы осмотреть остальных учеников, которые все еще практиковались на тренировочных песках.

– На самом деле, – добавила она, привлекая его внимание, – я все равно не планировала ложиться спать. Ну знаешь, чтобы подготовиться к ночному испытанию, так что библиотекарь оказал мне услугу.

Губы отца изогнулись в улыбке.

– Полагаю, это также объясняет, почему ты проспала до полудня и пропустила утренние уроки?

– Вот именно, – просияла Рен.

Его внимание снова переключилось на других учеников, в том числе на Инару. Внезапно у Рен возникло желание перечислить те дисциплины, в которых она не напортичила.

– В спаррингах я непобедима, и...

Отец заговорил в то же время, что и Рен. Он будто совсем не слушал ее.

– Бабушка наблюдает за тобой, Рен. Тебе нужно быть осторожней. Она использует любую возможность, чтобы помочь тебе провалиться. – Он пристально посмотрел на дочь: – Не давай ей ни единого шанса. Сегодня вечером ты должна не просто пройти испытание... А пройти его *эффектно*. Понимаешь?

Теперь, когда до входа в Костяной лес оставалось всего несколько мгновений, Рен наклонила голову в сторону Инары.

– Что ты предлагаешь?

Инара улыбнулась. Позади нее Этен – ученик-жнец, выбранный ей в пару для испытания – обменялся взглядом со жнецом Рен, Соней. Рен и Инара не впервые сталкивались лбами. Их конфликты редко проходили без ощутимого ущерба. Вероятно, жнецы боялись, что в этот раз не поздоровится именно им.

– Предлагаю гонку, – сказала Инара, бросив взгляд вверх, на деревья, прежде чем снова уставиться на землю. – Победит та, что пройдет испытание первой.

Отчасти это и так было целью испытания. Их не ограничивали во времени, но финишировать последним все равно никому не хотелось. Все мечтали прийти первыми, и больше всего Рен.

– А та, что придет второй?

Инара повернула голову ровно настолько, чтобы своими нахмуренными бровями показать, что ответ очевиден.

– *Проиграет.*

Рен ухмыльнулась. Достаточная мотивация для них обеих, но...

– Вряд ли от этого испытание станет интереснее. Я планирую победить независимо от того, бросишь ты мне вызов или нет.

Инара, не отрывая взгляда от земли, облизнула губы.

– Если выиграешь, я отдам тебе Ночного охотника.

Подобное предложение заинтересовало Рен. Ночной охотник – родовой кинжал семьи Фелл, в данный момент лежал в раскрытых ладонях Инары и поблескивал в лунном свете.

Как и клинок Рен, Ночной охотник имел долгую историю в Доме Костей и на протяжении многих лет принадлежал десяткам талантливых валькирий. Совсем недавно Инара унаследовала его от матери, которая в школе была соперницей отца Рен, точно так же, как Инара теперь была ее соперницей.

Насколько восхитительно было бы предъявить права на такое оружие? Показать отцу, что она не только превзошла своего, и в каком-то смысле его, главного соперника, но теперь еще и владеет *двумя* клинками валькирий.

Эти кинжалы представляли собой не просто практичное оружие. Они были символами самого ордена валькирий, олицетворением их места в Доме Костей. Полученные тяжелым трудом, они могли быть отняты только достойным противником после официального вызова на бой. Или главой Дома, если владелец клинка признавался недостойным.

Рен не могла представить более мощного способа проявить себя. Способа пройти испытание эффектно.

Однако у этого соглашения имелась и обратная сторона.

– Если же выиграю я, – продолжила Инара, – ты отдашь мне Гибель призраков.

Кинжал Рен, а когда-то в прошлом – кинжал ее отца внезапно стал таким тяжелым, что у нее задрожали руки.

С восходом солнца у Рен будет либо два фамильных клинка... либо ни одного.

Но со ставкой или без, она не собиралась, как выразилась Инара, проигрывать и приходить второй. Но все же...

Сегодня вечером ты должна не просто пройти испытание... А пройти его эффектно.

– О, и еще кое-что, – добавила Инара с превосходством человека, который уже подготовил наживку и готов захлопнуть ловушку с добычей. – Мы пойдем по Позвоночнику.

Позвоночник. Самая трудная тропа, пролегавшая прямо через середину леса. Это был самый короткий, но в то же время самый древний и населенный призраками путь, ведущий через сердце Костяного леса.

Верный способ нарваться на неприятности, даже если отправиться в одиночку. Но они собирались пойти вместе. Они в прямом смысле хотели преследовать друг друга по пятам, что влекло за собой не только определенные возможности, но и препятствия. Как бы Рен ни пренебрегала правилами, она не собиралась ставить Инаре палки в колеса. Но если они пойдут по одной тропе, подобное может случиться.

Определенно Инара была способна поступить точно так же. Хотя и сомнительно для любимицы учителя и той, что всегда следовала правилам. Но все же речь шла об испытании в Костяном лесу. Ставки еще никогда не были так высоки.

Принять вызов было бы рискованно и безрассудно. Это сделало бы и без того сложное испытание вдвойне опасным.

Сегодня вечером ты должна не просто пройти испытание... А пройти его эффектно.

Затрубили в рог, и Рен вздрогнула. Она посмотрела на луну, только что показавшуюся над самыми высокими ветвями. Вместе с остальными девушка, пошатнувшись, встала на ноги и до боли крепко сжала свой кинжал.

Прежде чем перевести взгляд на Инару, она еще раз посмотрела на своего отца.

– Идет.

Луна осветила костяные деревья.

Все взгляды устремились на леди Светлану, ведь это она призвала их достать оружие.

Приготовьте свои клинки.

Вот и теперь именно ее голос нарушил тишину.

– Победите нежить.

И так началось испытание в Костяном лесу.

Глава

2

Лес был десять миль в ширину и еще десять в глубину. Поговаривали, что древние костоломы были гигантами с конечностями размером с Рен, но более вероятно, что они растягивали и деформировали костяные деревья, делая их узкими и веретенообразными или толстыми, как дубы.

В этом ведь и заключалась магия костоломов – чувствовать мертвые кости и взаимодействовать с ними, даже не прикасаясь. В радиусе десяти футов костоломы могли призвать кость к себе, побудить ее левитировать в воздухе. Также они поднимали кости весом намного тяжелее, чем могли выдержать их мышцы. Валькирии, подобные Рен, носили костяное оружие, магия которого придавала их владельцам дополнительную скорость, силу, а также исключительную точность.

Костоломы также могли разглядеть духовные нити – видимые только им волокна, соединявшие призрака с его костями.

Будь Рен до конца честна, сказала бы, что эти волокна часто оставались невидимыми и для *ее* глаз. Все сводилось к тренировкам и природному таланту. Первым Рен пренебрегала, зная, что это царство жнецов, и ей предназначено быть валькирией, а второго ей не досталось при рождении.

Жнецы были более чувствительными. Своим прикосновением они могли обнаружить и обозначить каждый бугорок и бороздку, а также найти привязанную кость – ту, что соединяла призрака с телом. Дух оставлял свой след во всех костях мертвого тела, но привязанная кость отличалась особой прочностью. Обычно речь шла о кости, что располагалась ближе всего к смертельной ране, или, в случае кончины от болезни или возраста, о кости, что была ближе всего к недугу или первому отказавшему органу.

Привязанная кость также была желанной добычей для костоломов-рукодельников, которые с помощью инструментов и магического прикосновения создавали доспехи, оружие и талисманы. Они могли превратить грудные клетки в нагрудники, бедренные кости – в длинные мечи, а костяшки пальцев – в костяную пыль. Возможность создавать собственное оружие, безусловно, привлекала Рен, но идея быть запертой в катакомбах Мэрроу-Холла на всю оставшуюся жизнь – нет.

Таким образом, выбирать приходилось между работой валькирии или вечным заточением. Первое таило в себе опасность, а Рен ничего так не любила, как бросать вызов.

Для учениц-валькирий не существовало более сложного испытания, чем Костяной лес.

Он был наполнен костями нежити, призраков, на которых магия костоломов не действовала. Только подавив дух нежити и позволив жнецу перерезать связь с телом, костоломы могли использовать кости. Костоломы спасали мир от призраков и одновременно приобретали необходимые для этого материалы. В конце концов, нет ничего, что призраки ненавидели бы больше, чем кость умершего. Она служила костолому первой и лучшей защитой.

Участь валькирии тяжела, но кто-то должен был выполнять эту работу, а Рен была только рада услужить.

Но Костяной лес представлял собой не только место, кишущее призраками. Это был лабиринт, густой и запутанный. Как барьер на пути к землям Дома Костей, Костяной лес служил линией обороны и был заполнен телами тех, кто пытался пересечь границу и напасть.

И то, что в лесу уже были тропинки, не означало, что они были безопасными. Стоило с них сойти, чтобы найти дорогу короче или менее населенную призраками, и возрастал риск никогда больше не вернуться.

Многие ученики предпочли бы выбрать более длинный путь, потратив в два раза больше времени, чем столкнуться с призраком, уровень которого по шкале нежити превышал бы двойку.

Но не Рен.

Прежде чем направиться к костяным деревьям, она свирепо улыбнулась Инаре. Ее жнец последовала за ней. Инара и ее напарник, так же как и другие пары, сделали то же самое. Когда Рен двинулась к началу Позвоночника, а Инара последовала за ней, остальные пары покачали головами и выбрали более безопасные тропы.

Их сомнения позабавили Рен, но в тот момент, когда она вошла в лес, ее внимание обострилось, и девушка полностью сосредоточилась на происходящем.

На самом деле Позвоночник был не тропой, а скорее направлением, обозначенным старыми мазками красной краски на бледных деревьях. Это означало, что Рен и Инара не пойдут *вместе*, взявшись за руки, как заблудившиеся дети из сказок, а, следуя собственным инстинктам, выберут свой путь от одной красной метки до другой.

Единственным источником света служила луна, которую загораживали костяные ветви, и, конечно же, призраки.

Здесь их наверняка были тысячи: некоторые яркие, как солнце, но с жутковатым зелено-белым свечением, а другие – мягкие, как оплывающая свеча, и молящие об освобождении. Кто-то из них выглядел как бесформенная струйка пара (первый уровень), в то время как другие, с острыми и четко очерченными краями, казались почти осязаемыми (второй уровень). Какими бы плотными призраки ни были, ни одного из них нельзя было принять за живого. Их тела, будто кости, колыхались на том же таинственном ветру, а черты лица то вытягивались и искажались, то вспыхивали и гасли как молнии. Среди нежити были даже животные – пикирующие летучие мыши или крадущиеся снежные рыси сливались воедино между деревьями.

Теперь, когда Инара немного отдалилась, Рен повернулась к Соне. Работа валькирии заключалась в том, чтобы направлять, выбирать разумную стратегию и самый безопасный путь, но самые успешные пары сотрудничали в гармонии. Хотя Рен никогда не отличалась умением работать в команде, она все же попыталась привлечь Соню, чтобы ее жнец могла должным образом выполнить свою работу.

В конце концов, Рен нуждалась в ней.

– Какой план действий предлагаешь?

В ходе испытания они могли бы разыграть множество различных стратегий. Из-за слабой связи с костями призраки первого уровня были практически безвредны. Но, даже несмотря на их безопасность, поиск их земных останков мог затянуться. Чем выше по шкале нежити был призрак, тем более он был материален и тем сильнее был связан со своими костями. Попытки собрать их грозили большей опасностью.

Нацелься Рен на первые уровни, получилось бы приятное, безопасное испытание... но получение результатов было бы медленным. Не очень-то подходит для гонки, в которой между вечными соперниками была сделана дополнительная ставка. Выбор в пользу более опасных призраков ускорил бы процесс, но также увеличил бы вероятность ошибок и травм.

И, конечно, возрастала вероятность провала.

Такое случалось нечасто, но все же случалось. Только в прошлом году жнец и валькирия заблудились и не справились с заданием. А это означало еще один год учебы в Мэрроу-Холле до следующей попытки пройти испытание.

Вообще Рен любила хаотичный подход: пронестись по лесу на максимальной скорости, выбирая цели на ходу. Ей не нравилось убегать от драки, но если призрак окажется слишком нестабильным, они смогут оставить его и двигаться дальше. Слишком слабый призрак, скорее всего, и вовсе не стоил времени и усилий.

– Будем разбираться с теми, что попадутся на пути? – предложила Рен, когда Соня с неуверенным выражением лица прикусила губу. – При этом избегая единиц и пятерок? – Она выдавила из себя улыбку.

В Костяном лесу пятерок не водилось. Более того, они даже не должны были существовать. Только на востоке, на Одержимых землях, что раскинулись за Пограничной стеной, кости нежити ходили вместе со своими призраками. Все из-за Пролома. Если копнуть достаточно глубоко, как это сделали кузнецы, можно обнаружить всевозможные сюрпризы... как, например, сотни погребенных трупов, наполненных темной силой и осчастливленных долгожданным освобождением.

Эти ходячие мертвецы, или ревенанты, были делом рук древних некромантов – давно вымершего ордена. Все избегали их из-за того, что они использовали свою магию, чтобы контролировать нежить. Даже Рен, которая ничего не любила так, как хорошую драку с призраком, при мысли о них пробивала дрожь. К счастью, еще столетия назад цивилизация некромантов пала жертвой какого-то катаклизма, и любой, кто обладал их способностями, ушел в небытие. К сожалению, как раз перед рождением Рен раскопки кузнецов вернули затерянный мир, как и неживые творения некромантов. Именно из-за Пролома костоломам пришлось разработать шкалу нежити.

Пусть идея о пятерках в Костяном лесу и вызвала у Рен улыбку, но сегодня вечером у нее не было желания с ними встречаться.

Взгляд Сони скользнул через плечо валькирии – в направлении Инары и Этена, – и она кивнула.

– Конечно. Как скажешь. Разберемся с теми, что попадутся на пути.

Как и ученики-валькирии, жнецы одевались в черное, но в то время как наряд Рен состоял из облегающей кожи и толстых слоев подкладки, жнецы облачались в длинные широкие одежды, которые волочились по снегу. Немного драматично, если честно. При себе они носили только серп – изогнутое ручное лезвие, используемое для окончательного надреза. Каждая кость в теле содержала сложную паутину духовных нитей – швов, связывающих призрака с костью, соединений, удерживающих их вместе, или трещин, которые могли отделить их друг от друга. Задачей жнеца было отыскать эти духовные нити и разорвать их, тем самым высвобождая дух.

– Держись позади меня, – посоветовала Рен, убирая Гибель призраков в ножны и вытаскивая один из парных костяных мечей, висевших у нее за спиной. Он давал большой хват и лучше подходил для выполнения поставленной задачи.

По мере того как Рен и Соня пробирались сквозь деревья, звуки остальных участников стихли. Их место заняла напряженная тишина. Не настоящая, а тяжелое, тяготившее молчание нежити.

Рен повсюду ощущала кости – жужжание, словно ток, пробегающее по ее коже, – и улавливала каждое движение, ожидая, наблюдая...

Когда согнутая рука – нет, руки – скрученные и сросшиеся вместе с тремя или четырьмя локтями, опасно наклонились над их тропой, Рен подняла свой меч, чтобы остановить их.

Она осторожно подошла к чудовищному дереву, но при ближайшем рассмотрении обнаружила, что в его костях больше не осталось нежити. Они давным-давно были обработаны творческим и слегка потревоженным костоломом. Преобразования костей, все еще привязанных к призраку, выполненные на нежити или даже – Рен вздрогнула – живых, были невозможны.

– Только не говори мне, что тебя напугала кучка лишних локтей, – крикнула Инара, которая оказалась ближе, чем Рен предполагала, и наблюдала за ними из-за деревьев.

Рен натянуто улыбнулась и молниеносным движением обеих рук опустила меч, одним махом перерубив дерево с множеством локтей. Ее лезвие, изготовленное из того же материала,

что и дерево, было заточено и закалено тщательным прикосновением мастера. Так что ее меч был почти таким же прочным, как сталь.

Землю у ее ног усеяли осколки костей. Смешиваясь со свежим снегом, они образовывали бледную лесную подстилку, которая хрустела при каждом шаге.

Облако костяной пыли осело на идеально черную мантию Сони.

– Упс, – с притворным беспокойством пробормотала Рен, протягивая руку, чтобы отряхнуть ее.

Соня отступила от Рен и, закатив глаза, взмахнула запястьем, отчего пыль поднялась с ткани и мгновенно рассеялась. Рен никогда не смогла бы проделать столь тонкую работу, которая демонстрировала талант жнеца. Для костолома магические способности Рен оставались на среднем уровне, и хотя она могла устроить мощный взрыв, тонкости или изящества ей явно не хватало.

Их с Соней нельзя было назвать друзьями, но вряд ли в Доме Костей вообще водилась дружба. Рен делила всех на врагов, таких как Инара, и тех, кто терпел ее общество, как Соня. Какие-либо эмоции она испытывала только к отцу, но его никогда не было рядом.

Не было смысла желать большего... Но в детстве она мечтала о матери, которая была бы жива, или об отце, который остался бы с ней. Только вот каждый раз, когда кто-то начинал заполнять пустоту, оставленную родителями, ее отец появлялся снова, и Рен забывала тех, к кому успела привязаться. Правда заключалась в том, что она хотела чего-то настоящего, даже если это причиняло ей боль.

В этом и был весь смысл. Пройти испытание эффектно и получить звание валькирии. Тогда она сможет покинуть Мэрроу-Холл и путешествовать, иногда даже *со своим отцом*, сражаясь с призраками во всех уголках Владений, от Гилмора до Гранитных врат.

Они уже собирались двинуться дальше, когда что-то насторожило Рен. Она обернулась как раз вовремя, чтобы увидеть, как поднимается серебристо-зеленый туман. Их присутствие пробудило призрака. И теперь он, как и вся нежить, притянутый к живым, парил всего в нескольких футах и при желании мог легко подобраться к Соне.

Изуродованная рука держала призрака на расстоянии, но теперь, когда она, разбитая вдребезги, лежала на земле, дух мог спокойно пересечь тропу. Возможно, не следовало срубить ту руку только для того, чтобы покрасоваться перед Инарой?

Рен не стала ждать того, что будет дальше. Она оттолкнула Соню в сторону и шагнула вперед, вытащив пригоршню костяшек из патронташа на груди. Те разлетелись небольшим всплеском магии, пронзив напоминающего пар призрака, отчего он замедлился, кружась и волнообразно извиваясь в воздухе.

Вероятно, этот дух принадлежал к первому уровню и был бестелесным настолько, что почти не представлял никакой угрозы. Тем не менее Рен не могла рисковать, спутав дух со вторым или третьим уровнем, которые пока что не приняли форму. Она подождала еще секунду, чтобы посмотреть, что будет делать призрак. К ее удовлетворению, тот начал складываться во что-то похожее на человека. По крайней мере, у него появилось лицо с широким разинутым ртом, растянутым и искаженным, и длинные, свисающие конечности.

– Что думаешь? – крикнула Рен через плечо.

В то время как ее внимание было приковано к призраку, Соня сосредоточилась на земле в поисках тела, к которому был привязан дух. С маленькой лопаткой она опустилась на колени в снег.

Инструмент ударился о землю с мягким стуком, но вскоре Соня уже разгребала снег и почву голыми руками, полагаясь на свое осязание и магическое чутье.

Рен наблюдала, испытывая непреодолимое желание помочь и ускорить процесс, но это шло вразрез с основным правилом работы валькирии и жнеца. Каким бы безобидным призрак ни казался, нельзя поворачиваться к нему спиной. Нельзя терять бдительность.

Именно поэтому она не разрубила призрака, как ту руку со множеством локтей.

Даже если она заставит духа полностью исчезнуть, отшатнувшись от мертвой кости, Рен только отложит неизбежное. Никто не мог сказать, как быстро вернется дух... и в каком именно месте. Вместо того чтобы расправиться с ним, лучше держать его в поле зрения, а не то он окажется у нее за спиной или прямо над ними.

Так что Рен поступила так, как ее учили: вытащила второй костяной меч и, держа оружие перед собой, как ножницы, заключила дух в ловушку. Более сильный призрак дал бы отпор, но этот лишь слабел и клубился с мягкой и не очень-то убедительной угрозой.

К радости Рен, Соня издала тихий возглас и выудила из груды грязных останков бедренную кость.

Привязанную кость.

Стараясь не выпускать из виду колеблющегося и безмолвно дрожащего призрака, Рен наблюдала, как сидящая у ее ног Соня кладет пятнистую, грязновато-белую кость на белоснежный снег.

Она отложила серп, закрыла глаза и провела перепачканной рукой по всей длине кости раз, другой, третий. На четвертый жнец опустила оружие на невидимую духовную нить, пробив кость и разорвав связь между призраком и его земными останками.

Возникло знакомое сосущее ощущение, из-за которого воздух в легких Рен стал разреженным. Мгновение спустя призрак исчез в облаке холодного воздуха и эфира.

Когда Соня снова взяла в руки теперь уже мертвую кость и встала на ноги, Рен расчистила место, проводя лезвиями по воздуху, убеждаясь, что от призрака ничего не осталось. После этого она собрала разбросанные костяшки, чтобы позже использовать их еще раз.

Тут она заметила, что кое-кто наблюдает за ними из-за деревьев.

– Один готов, – сказала она, самодовольно улыбаясь Инаре. – Постарайся не отставать.

Глава

3

Чем глубже они заходили в Костяной лес, тем плотнее росли деревья. Их раскачивающиеся ветви сталкивались друг с другом и цеплялись за одеяние Сони. Небрежным взмахом руки она отбрасывала кости в сторону, в то время как Рен предпочитала не опускать мечи, чтобы предотвратить любое прикосновение.

Призраков тоже становилось больше, хотя почти все они принадлежали к первому уровню и висели в воздухе, как туман, или кружили в невидимом потоке, как древесный дым. Рен и Соня заметили что-то, похожее на второй уровень, но дух, как блуждающий огонек, мелькал слишком далеко от тропинки, пытаясь заманить их в темноту. Также на пути им попался призрак первого уровня, который светился так ярко, что Соне пришлось отвести взгляд, пока Рен не отправила его прочь.

Следующая добыча попала им в руки почти через час.

Они заметили кости раньше, чем призрака, поэтому, когда из ниоткуда появилась светящаяся, разъяренная и враждебно настроенная фигура, и Соня, и Рен (к ее большому смущению) от неожиданности отскочили назад. Рен пришла в себя первой и подняла мечи выше, но призрак не обратил на нее никакого внимания. При жизни он, несомненно, был костоломом. Его едва различимая человеческая фигура была задрапирована в тонкую ткань, которая легко могла оказаться одеждой жнеца. К тому же дух сосредоточился на Соне, что наводило на мысль, что он точно знает, что они собирались сделать. Жатва обеспечивала мир, но нежить, как и все остальные, не хотела умирать.

Призрак врезался в мечи Рен сильным ударом, ее ноги заскользили по влажной земле, и девушка поняла, что они столкнулись не просто с третьим уровнем. Этот дух был способен влиять на окружающий мир. Только четвертый уровень, также называемый гейстами, мог сделать подобное. Или кто-то уровнем еще выше.

Когда призрак приблизился, Соня вздрогнула, позабыв о своей задаче.

– Эй, – рявкнула Рен, на секунду отведя взгляд от духа. Призрак, кажется, только этого и ждал. Когда он снова набросился на ее костяные клинки, не обращая внимания на то, как от этого страдала его форма, потерявшая бдительность Рен *выронила* один из своих мечей.

Соня вскрикнула и поспешно отступила, готовая от страха броситься бежать. Видимо, она позабыла еще одно фундаментальное правило профессии, связанной со смертью: никогда не убегай.

Простая и в то же время ужасная правда заключалась в том, что призраки третьего и более высокого уровня были быстрыми. Они могли перемещаться из одного места в другое в мгновение ока или проноситься по открытому полю в два раза быстрее, чем лошадь, скачущая во весь опор.

Бежать было слишком опасно, ведь тогда можно было врезаться в призрака. Подобное столкновение сулило мгновенную смерть или такую тяжелую участь, когда от жертвы оставалась только неподвижная оболочка, которая постоянно испытывала невыносимую боль и в конце концов погибала. Однажды Рен видела жертву такого нападения – по приказу леди Светланы отец вытащил дочку из постели и отвел ее в лазарет, чтобы она могла увидеть все собственными глазами. Тогда Рен почти не разговаривала со своей бабушкой (да и сейчас ничего не изменилось), так что приблизилась к ней с опаской.

– Я не уверен... – начал отец, пытаясь защитить Рен, но Светлана его прервала. Так что он просто стоял там, молчаливый и неподвижный, в то время как женщина вцепилась похожими

на когти руками в узкие плечи шестилетней Рен и заставила ее стоять рядом с кроватью до последнего, прерывистого вздоха умирающего.

Тогда голос отца показался ей добрым, почти нежным, когда он сказал:

– Вот как дорого в Доме Костей обходится поражение.

Вот почему Рен не собиралась проигрывать.

– Соня, – рявкнула она, свободной рукой роясь в патронташе. Жнец замерла, ее пристальный взгляд был прикован к подрагивающему духу. – Кости.

Повернувшись к призраку, Рен бросила в него несколько костяшек, отчего в туманной фигуре образовались дыры. Однако атака, казалось, разъярила духа еще больше.

Рен выругалась и подняла упавший меч как раз вовремя, чтобы отразить следующий удар. Соприкоснувшись с клинками, призрак зашипел и затрещал, как залитое водой пламя.

Пришло время попробовать что-то другое.

Прежде чем он успел подготовиться для очередного броска, Рен перешла в наступление. Вместо того чтобы сражаться в обороне, как всегда учили валькирий, она развернулась и, выставив мечи, шагнула вперед. Это движение отбросило призрака назад. Теперь он оказался на приличном расстоянии от своих костей, что ему явно не понравилось. Для него это было настолько же неестественным и неудобным, как отделение плеча от суставной впадины.

В ответ призрак начал атаковать сильнее и неудержимее, но Рен смогла с этим справиться. Теперь она завладела его вниманием, что позволило Соне заняться делом.

Конечно, этот шаг был рискованным. Поблизости могли оказаться и другие агрессивно настроенные призраки, а валькирий учили никогда не отдаляться от своего жнеца.

Но все обошлось. Соня ухватила за кость – в данном случае за ключицу – и сделала разрез все еще дрожащей рукой. Призрак исчез, когда серп раздробил кость и разорвал духовную нить.

Рен вскрикнула от восторга, но Соня выглядела так, словно ее вот-вот стошнит.

– Осталось совсем немного, – весело сказала Рен, уже представляя кислое выражение лица Инары, когда та передаст ей в руки Ночного охотника. Затем Рен подумала о гордости, от которой будет светиться лицо ее отца, когда она поклянется в верности леди Светлане с двумя клинками в руках.

Она потеряла Инару и Этена из виду, но зато они с Соней уже выполнили две трети своего задания. И это при том, что в запасе у них оставалась половина пути и времени. Судя по луне, солнце должно взойти часа через три, а значит – они уже потратили около двух.

К ее удивлению, именно Соня изо всех сил старалась найти их следующую жатву. Она даже отказалась от предложения сделать небольшой перерыв. Не то чтобы Рен возражала. Чем скорее они выполнят задание, тем быстрее смогут увеличить скорость своего продвижения. Если бы все зависело только от Рен, она шла бы всю ночь, ведь ей не терпелось добраться до центра леса. Она слышала всевозможные слухи, что ходили о самых глубоких уголках Костяного леса. Повар сказал, что первая кость во всем лесу была «посажена» самим Могильщиком, основателем Дома Костей и первым в мире костоломом, а конюх клялся, что в самой гуще деревьев лежит скелет дракона, призрак которого так и не был найден. Хотя отец Рен настаивал, что все эти рассказы не более чем крестьянское суеверие. Никто никогда не видел такого существа, да и никаких официальных записей о нем не было. Самые крупные кости в лесу принадлежали мамонтам или китам. И все же Рен представила, как сражается с духом какого-нибудь великого зверя и приносит его череп отцу в качестве их третьей и последней жертвы. Мысль об этом наполняла девушку гордостью.

Как оказалось, их третьей добычей действительно стало животное, но не столь фантастическое, как дракон. Однако у лося были впечатляющие рога, так и оставшиеся торчать из земли там, где Соня их откопала.

Этот дух оказался совершенно умиротворенным по сравнению с призраком костолома. Пусть Рен и нравилось сражаться с человеческой формой нежити, призраки животных казались ей почти успокаивающими. Они не понимали разницы между жизнью и смертью, в отличие от людей, и, казалось, существовали почти так же, как и при жизни – без всякой тоски и мучений. Из-за этого их души недолго задерживались в этом мире. Большинство призраков животных со временем исчезали сами собой. Даже те, что содержались в качестве домашних животных, редко могли протянуть дольше нескольких месяцев после разложения трупа. Поскольку они не представляли особой угрозы для живых, костоломы редко избавлялись от них должным образом. Вместо этого они оставались разбросанными по полям и лесам Владений, как светлячки, которых живые избегали до тех пор, пока они в конце концов не гасли.

Таким образом, охота закончилась быстро. Хотя с животным было так же легко иметь дело, как и со стандартным призраком первого уровня, оно все равно засчитывалось при прохождении испытания. А Рен не собиралась строить из себя привереду. Не сейчас, когда на кону стояло так много. Она помогла Соне погрузить их третью и последнюю кость – продолговатый череп с рогами – в сумку жнеца, и они двинулись дальше.

Охваченная триумфом и разгоряченная адреналином, Рен оживилась, когда они добрались до поляны. Это и есть центр Костяного леса? Все вокруг было окутано дымкой и освещено едва заметным призрачным светом, словно таящаяся здесь нежить была настолько древней, что существовала в виде мельчайших молекул, едва различимых невооруженным глазом.

Они приблизились к гигантской грудной клетке с раскрытыми настежь костями. Все это напоминало какой-то чудовищный цветок, тянущийся к луне. Должно быть, кости принадлежали мамонту. Каждое ребро было длиннее, чем сама Рен.

Посреди всего этого стояла Инара. Рядом с ней, на покрытом мхом камне сидел Этен. Оба держали в руках кусочки черного хлеба.

Когда Рен и Соня приблизились, Этен вскочил на ноги, бросив настороженный взгляд на свою валькирию.

При виде них напряжение, о существовании которого Рен и не подозревала, ослабло. Она с облегчением узнала, что Инаре не удалось далеко продвинуться. Даже лучше, – судя по двум костям, торчащим из сумки Этена, они еще не нашли свою третью жертву.

– Пойдем, Соня, – сказала Рен, победоносно улыбаясь, словно уже пришла к финишу первой. Плевать на драконов. Им выпал шанс вырваться вперед. В конце концов, они могли поесть и на ходу.

Рен не оглядываясь направилась к дальним деревьям. Позади нее послышались шаги, но девушке потребовалась секунда, чтобы понять, что идущий удаляется от нее, а не приближается.

Она резко обернулась. Инара сделала несколько шагов по направлению к Соне, но остановилась, так и не дойдя до нее.

– Ты их достала? – спросила она у жнеца. Соня кивнула, смотря себе под ноги.

– Соня, – позвала Рен, в замешательстве нахмутив брови. Жнец проигнорировала ее.

– Тогда отдавай, – сказала Инара.

К изумлению Рен, Соня подчинилась. Вместо того чтобы подойти к своей напарнице, она направилась к Инаре и встала рядом с Этеном.

Когда Рен перевела взгляд на Инару, ее осенило.

– Что ты делаешь? – потребовала девушка ответа. Лицо Инары ничего не выражало, а Этен и Соня даже не смотрели в сторону Рен. – Думаешь, что можешь просто... взять моего жнеца в плен? – Она недоверчиво рассмеялась и покачала головой. – Соня, – Рен обратилась к жнецу поверх плеча Инары, стараясь, чтобы ее голос звучал спокойно и рассудительно. – Мы почти на месте. Давай закончим испытание. Что бы она тебе ни пообещала, что бы ни сказала... оно того не стоит. За такое тебя могут изгнать.

Соня заколебалась, на ее лице промелькнул страх, но Инара вытянула руку, удерживая напарницу Рен на месте. Рен задалась вопросом, что же такого Инара пообещала или чем запугала Соню, чтобы переманить ее на свою сторону. Феллы были богатыми и влиятельными. Беспощадными. Но не глупыми.

Инара сделала смелый ход. Рискованный до безрассудства. По всеобщему мнению, что-то подобное могла сотворить она, Рен.

– Отлично. Тогда я просто доберусь до финиша и расскажу всем, что произошло, – пожалала плечами Рен, надеясь, что выглядит более беззаботной, чем чувствовала себя на самом деле.

– Да кто тебе поверит? – поинтересовалась Инара, улыбаясь. – Я – образцовая ученица и идеальный костолом. Это ты вечно нарушаешь правила этого Дома, а не я.

Логичность ее слов заставила Рен ощутить беспокойство. Инара, будто увидев это, улыбнулась еще шире.

– Бедняжка Рен, – сказала она с притворным сочувствием. – Отец будет так разочарован в тебе. Ты не только потерпишь неудачу, но и проиграешь его драгоценный семейный клинок. Единственную вещь в этом Доме, которая его *действительно* волнует.

– Закрой свой рот, – рявкнула Рен с бешено колотящимся сердцем. Она обнажила Гибель призраков и в ярости шагнула к кухне. – Тебе нужен клинок? Тогда придется вырвать его из моих оледеневших рук.

– С превеликим удовольствием, – сказала Инара, опуская руку на рукоять Ночного охотника.

Было очевидно, что Инара подстрекает ее. Их разделяло всего несколько футов, и Рен потребовалась вся сила воли, чтобы *не* наброситься на нее. Пока что не было видно никаких явных свидетельств саботажа. Вернись ее кухня с разбитым носом или еще что похуже, все бы тут же повесили вину на Рен. Предательства во время испытания в Костяном лесу случались сплошь и рядом, но те, кто это делал, были достаточно умны, чтобы действительно не всадить кому-нибудь нож в спину. Уловки и ловушки, сделки и обманы – вот какое оружие большинство костоломов использовали друг против друга.

Большинство, но не все.

Рен вложила кинжал в ножны, сделала медленный, успокаивающий вдох, а затем со всей силы ударила Инару сжатым кулаком в живот. Если уж кухня захотела ранить ее в тех местах, которые никто не мог видеть, Рен была готова сделать то же самое.

Инара упала и, охваченная неожиданным приступом трусости, начала отползать назад. Кровь стучала в ушах Рен, когда она продолжила наступать на кухню.

Один шаг, затем другой. Внезапно земля ушла у нее из-под ног. У Рен перехватило дыхание, когда она упала на груды костей и скользкого снега. Как только первоначальный шок прошел, по телу девушки разлилась жгучая боль. Вскоре у нее обязательно появится дюжина порезов, царапин и ноющих синяков. Откашлявшись, Рен осторожно поднялась на ноги.

Она оказалась в небольшой яме, стены которой возвышались на несколько футов над ее головой. Покатая земля была скользкой от грязи и снега, и когда Рен попыталась выбраться, почва провалилась еще сильнее и обрушилась на нее каскадом... правды.

Это Инара вырыла яму... Она с самого начала намеревалась подставить ее. Она предложила пари, выбрала маршрут, а затем просто ждала прибытия Рен. Она вынудила ее подойти... приняла удар и убежала, как собака, поджавшая хвост... только для того, чтобы Рен последовала за ней, именно на это место...

– Инара, – прорычала девушка, смахивая прилипшие к лицу куски грязи. Повсюду вокруг лежали кости, маленькие и большие, сломанные и целые. Они наполняли ее чувства, гудели под кожей.

Инара, которая все еще горбилась от полученного удара в живот, со злорадной улыбкой на лице перегнулась через край ямы.

– Что ты сказала? Я не слышу тебя через всю эту... – Она замерла, и секундой позже Рен тоже услышала это.

Раздался скрип, грохот, а затем земля под Рен просела еще больше, отчего начали осыпаться стенки ямы. Когда дыра расширилась, Инара выругалась и отшатнулась, в то время как Рен прикрыла голову руками и приготовилась к удару.

Снова открыв глаза, она обнаружила, что провалилась еще глубже под землю и оказалась в какой-то холодной, затхлой и совсем нетронутой снегом пещере.

На лице Инары, которая, прищурившись, вглядывалась в темноту, отразился шок. Гнев Рен еще не остыл, но она понимала, что Инара не стала бы копать *так* глубоко.

– И что теперь прикажешь нам делать? Мы не можем просто оставить ее там, – слишком пронзительно воскликнула Соня.

– Я говорил, что это плохая идея, – добавил белый как мел Этен.

Оба жнеца оказались трусами. По крайней мере, у Инары хватило духу совершить задуманное.

– Да все с ней будет в порядке, – сказала она, хоть и прерывисто. – Правда же, Грейвен? Разве ты не лучшая валькирия нашего поколения?

Рен в отчаянии оскалила зубы. Эти слова она говорила десятки раз любому, кто соглашался слушать, и чаще всего – прямо в лицо Инаре.

– Тебе это с рук не сойдет, – сказала девушка, но когда Инара собралась уходить, у Рен от страха скрутило живот. – Мой отец...

– Не такой уж он герой, каким ты его считаешь, – тихо сказала Инара. – Увидимся на другой стороне. Не забудь захватить мой клинок.

И Инара ушла, а два жнеца последовали за ней. Рен осталась одна в кромешной темноте, сквозь которую не могла рассмотреть ничего, кроме звезд, костей и того, как неуклонно продвигалась по небу луна.

Глава

4

– Да чтоб тебя! – крикнула Рен. Ее слова отразились от стен пещеры и эхом разнеслись в ночи. Она сжала руки в кулаки, чтобы те перестали дрожать.

Не сработало.

Она пинаясь, била кулаками и плевалась, злясь на все и вся. Но больше всего Рен злилась на себя. Как она могла допустить подобное? Она была на полпути к победе, уже видела ее на горизонте, а потом позволила этой *чертовой* Инаре Фелл, бесстыдной подхалимке, вечно плетущейся позади, вырвать первое место у нее из рук.

Рен остановилась. Ее грудь вздымалась от тяжелых вдохов. Она посмотрела в небо, и луна посмотрела на нее в ответ.

У нее еще было время.

Она могла успеть до рассвета. Тем более что Инаре и Этену еще предстояло найти последнюю жертву, что давало Рен шанс наверстать упущенное. Все, что ей нужно было сделать, это выбраться из этой проклятой могилы, в которую Инара умудрилась ее заманить.

Рен внимательнее осмотрелась вокруг. Выход теперь находился на высоте ее роста. Если умножить его надвое. Земля же под снегом, который свалился в яму вместе с ней, была на удивление грязной и влажной. Стояла ранняя зима, и хотя холод по-настоящему никогда не покидал Северные владения, земля оказалась достаточно мягкой, чтобы Инара выкопала эту яму для своей ловушки.

Но как? Как заметила Инара, Рен всегда нарушала правила Дома Костей, но даже ей никогда не удавалось пробраться в Костяной лес. Получается, кто-то помог Инаре? Но кто? Может быть, ее мать? Ингрид Фелл ненавидела отца Рен и большую часть своей жизни соперничала с ним за власть и влияние.

Отбросив эти мысли в сторону, Рен осмотрела свое снаряжение. Она захватила с собой мечи и кинжал, костяшки и мешочки с костяной пылью, но, конечно, не взяла никаких инструментов для скалолазания.

Но Рен отличалась находчивостью. Она прижала руки к грязным стенкам ямы, чувствуя легкое покалывание от костей, застрявших внутри. Внешний слой действительно был мягким и скользким, но чем сильнее она давила, тем тверже становилась земля. Из-за вырытой ямы внешний слой почвы стал зыбким, но чуть глубже земля оставалась такой же твердой и полужамерзшей. И все же ухватиться за нее голыми руками было практически невозможно.

Рен усмехнулась. Хорошо, что у нее с собой были клинки.

Первый меч почти по рукоять погрузился в грязь как раз над правым плечом Рен. Она сделала пробный рывок, прежде чем позволить оружию принять на себя вес ее тела.

Меч выдержал.

Тогда Рен закрепила второй чуть выше и левее. Угол оказался сложнее, но она нажимала и молотила по рукояти, используя свою магию, чтобы помочь лезвию продвинуться до тех пор, пока оно тоже не стало достаточно устойчивым.

Рен была хорошей, проворной скалолазкой, легкой на ногу. Она уже доказала это, вскарабкавшись на книжные полки библиотеки. Но самое трудное было еще впереди. Если она хотела добраться до вершины, ей нужно было несколько раз вынуть и снова вставить одно лезвие, повиснув в это время на другом. Даже если она засунула бы свои ноги в дыры, оставленные мечами, это все равно было бы непросто.

Когда Рен отступила, чтобы полюбоваться проделанной работой и вытереть вспотевшие ладони, она обо что-то споткнулась. Не твердое, как голая кость, и не скользкое, как растаявший снег или грязь. Это было что-то мягкое и... болотистое.

Рен посмотрела вниз.

Тело.

Не древний и развалившийся скелет. Нет, тело было свежее... или, по крайней мере, свежее, чем должно быть. Даже настолько свежее, что это просто не имело смысла. Тела перестали сбрасывать в Костяной лес десятилетия назад. Изначально это делали для того, чтобы защитить свои границы и отразить нападение, но то было во времена, предшествовавшие Владениям, когда десятки правителей соперничали за власть и контроль над землями. Теперь же, в мирное время, необходимость в подобных мерах защиты отпала.

Труп, на который теперь смотрела Рен, хоть и частично сохранился благодаря холоду, не мог пролежать здесь дольше нескольких лет... Точнее, пяти максимум.

Плоть была покрыта пятнами, а изможденные черты лица еще не до конца разложились. Даже одежда хорошо сохранилась: толстые слои шерсти и кожи, а также забрызганные грязью ботинки говорили о том, что этот человек проделал долгий путь, прежде чем оказаться здесь. Был ли он заблудшим путешественником? Посыльным? Больше ничего не указывало на то, кто он такой и как здесь оказался.

Что ж, не совсем. Оставалась еще *одна* улика, объясняющая, как этот человек погиб в Костяном лесу.

Его затылок был вдавлен внутрь.

Безусловно, это был смертельный удар, но чем больше Рен смотрела, тем большее беспокойство вызывало в ней совершенное открытие.

Проломленный череп служил доказательством того, что этот человек не забрел в лес случайно, не заблудился в нем. Его убили и спрятали в единственном месте Костяных земель, где мертвое тело могло остаться незамеченным.

Без каких-либо ритуалов прощания с телом. Закопанный в Костяном лесу.

Потерянный, чтобы никогда не быть найденным.

До этого момента.

Способ смерти подпитывал духовное существование призрака. Ушедшие мирно становились добрыми привидениями. Смерть от усталости или старости создавала старого усталого призрака.

Смерть на поле боя, среди насилия и ненависти, оставляла после себя жестокого, исполненного ненависти призрака.

Но не существовало призрака более яростного, чем хладнокровно убитого.

Рен было ясно, что этот человек умер не своей смертью. Удар по затылку свидетельствовал о внезапном... трусливом нападении. Костяной лес не был полем битвы... по крайней мере, для проживающих за пределами Дома Костей, и этот человек, несомненно, к ним относился. У него при себе не было костей, он не носил доспехов. Рен также не заметила никакого оружия.

Мгновение она просто стояла на месте, опасаясь потревожить тело еще больше, чем уже сделала.

Призраки не отделялись от своих тел сразу после смерти. На это требовалось время, количество которого зависело от состояния тела. Оно служило своего рода вместилищем и прикрытием для души.

Это не только заманивало призрака в ловушку, но и лишало костолома способности обнаружить кости. Вот почему костоломы не могли чувствовать кости внутри тела или управлять ими – потому что плоть действовала как щит.

Но для появления призрака тело необязательно должно было полностью разложиться. В момент, когда привязанная кость обнажалась – в данном случае речь шла, скорее всего, о черепе, учитывая очевидную рану, – дух мог отделиться от тела. То, что этого еще не произошло, вовсе не означало, что это не случится в любую минуту. Перспектива повернуться к своей находке спиной, чтобы вскарабкаться наверх, стала казаться Рен сомнительной.

Но другого выбора у нее не было. Она и так потеряла слишком много времени. Когда Рен уже повернулась, чтобы отойти, ее взгляд упал на что-то бледное и белое на грязной земле.

Она отодвинула кусок жесткой, частично заледеневшей ткани и увидела кольцо. Громкий гул в ушах Рен подсказал, что оно сделано из кости, вот только... костоломы не изготавливали украшений.

Она осторожно подняла находку с земли и рассмотрела вырезанные на гладкой поверхности узоры... Костоломы точно не делали ничего подобного. Странные формы и линии, которые Рен сначала приняла за узор, на самом деле оказались каким-то видом письма, покрывающим все украшение. Рен сделала глубокий вдох, стараясь успокоиться. У нее возникло ощущение, что она уже видела нечто подобное.

Повертев предмет в руках, девушка заметила дополнительную резьбу. На плоской верхней части безеля были изображены две птицы с распростертыми крыльями, по одной с каждой стороны. Там, где могла быть печатка или драгоценный камень, в лунном свете блеснуло что-то темное и отполированное.

Заостренный шип, похожий на металлический, выступал на поверхности кольца, как гвоздь из деревянной доски. С нижней же стороны виднелась плоская головка.

Острие было слишком маленьким, чтобы использовать его в качестве оружия. Чем дольше Рен рассматривала его, тем в большее замешательство оно ее приводило. Что-то было явно не так с этим маленьким черным шипом, с тем, как его вонзили в кость. Что-то было не так.

Рен знала только один вид материала, который также отливал черным.

Металл кузнецов.

Но было трудно представить, чтобы костоломы и кузнецы объединились для создания такого артефакта. Дом Железа враждовал с Домом Костей с тех самых пор, как жители первого создали Пролом. Отец Рен ненавидел кузнецов особенно яростно, но она полагала, что эта ненависть была вполне обоснованной. Он участвовал в сражениях, а его старший брат Локк – первоначальный наследник Дома Костей – погиб в бою.

Дом Костей был единственным шансом Владений остановить хлынувший из Пролома поток нежити, но костоломы еще никогда не сталкивались с такой угрозой. Некроманты были изгнаны прежде всего потому, что их магия была не только противоестественной, но и представляла опасность для самого существования Владений. Те вещи, которые ограничивали призраков – их бестелесная форма и невозможность далеко отходить от своих тел, – не работали с нежитью, которая в прямом смысле таскала свои кости с собой.

Рен всегда восхищалась призраками пятого уровня. Ей нравилась идея проверить свои навыки против ревенантов, но, как постоянно напоминали ей учителя, не все в этой жизни было развлечением и игрой. Бесчисленное множество людей, как костоломов, так и кузнецов, погибло от рук нежити.

Вдобавок из-за постоянного роста Одержимых земель терялась власть над восточными Владениями.

На самом деле Пограничная стена была построена в попытке спасти остальные земли от захвата. Массивное сооружение охватывало весь остров с севера на юг, но, к несчастью, Дом Железа оказался в ловушке на другой стороне. Несмотря на то что именно кузнецы стали причиной образования Пролома, король все же предложил им перебраться на безопасную сторону, но они отказались.

Затем, пять лет спустя, они подняли Восстание, чтобы любым способом разрушить Пограничную стену и вернуть себе как свои земли, так и свое место во Владениях. Король снова обратился к Дому Костей. Теперь они сражались не только с нежитью, но и с живыми врагами, и принимали непосредственное участие в подавлении Восстания и сохранении Пограничной стены.

Кузнецы были практически уничтожены, родословная их правителей, Найтов из Железной крепости, прервалась. Дом Костей, в свою очередь, потерял своего блистательного наследника, а также сотни костоломов.

Иногда Рен хотелось узнать, изменило ли все это ее отца. Был ли он другим до всех этих сражений. До того, как умер его брат. Но все это произошло еще до того, как она появилась на свет, так что Рен полагала, что это не имеет значения. А сам отец точно не стал бы отвечать на эти вопросы.

Излишне говорить, что между Домом Железа и Домом Костей не было взаимной любви. И все же здесь, в самом центре Костяных земель, лежало кольцо, которое, по крайней мере частично, было изготовлено кузнецом.

Конечно, оно вполне могло принадлежать временам до Железного восстания и Пролома, но все равно эта странная вещица пробуждала любопытство Рен. Бабушка, отец и еще несколько учителей считали это качество недостатком.

Рен долго смотрела на кольцо, лежавшее на ее ладони, пока наконец не сунула его в карман. Поднявшись на ноги, она направилась к своим воткнутым в стену мечам. Она едва успела сделать шаг, как позади нее что-то шевельнулось. Ветерок взъерошил волосы у нее на шее – легкое холодное прикосновение к влажной от пота коже.

Рен, едва осмеливаясь дышать, медленно повернула голову и оказалась лицом к лицу с только что воскресшим призраком. Тот парил в воздухе над трупом, который она совсем недавно осматривала.

Их разделял всего-то фут.

Духи принимали последний облик, который был у них при жизни – носили ту же одежду, прическу и даже кожу.

Каким бы поврежденным ни был труп.

Этот призрак был одет в тот же поношенный дорожный костюм, испачканный ярко светящимися каплями крови. Из смертельной раны на затылке внезапно полился яркий свет, так что Рен была вынуждена прищуриться. Призрачный свет также исходил из глаз – окон в душу, как утверждали ее наставники, – но из-за раны на голове все лицо призрака превратилось в зияющую пасть тошнотворного зеленого свечения.

Несмотря на то что внешне призраки выглядели так же, как и при жизни, двигались они иначе, чем живые существа.

Нет, они перемещались с места на место только для того, чтобы внезапно остановиться, дрожа от возмущения и едва сдерживаемой агрессии. Во многих отношениях призраки напоминали огонь, раздуваемый легким ветерком, – с такой же вероятностью они могли либо погаснуть, либо разгореться и стать ослепительно-яркими.

Рен яростно заморгала, проклиная себя за глупость. За то, что исследовала труп, и за то, что оставила свои костяные мечи на высоте нескольких футов. Она попыталась притянуть их своей магией, но лезвия, ставшие заложниками грязи, находились слишком далеко.

Обычно призракам, только-только выпущенным на волю, требовалось время, чтобы приспособиться к миру живых.

Этому же оно не понадобилось.

После мгновения, когда все вокруг замерло, дух ужасающим размытым пятном набросился на свою ближайшую живую цель – на Рен.

Девушка сделала единственное, что оставалось: вскрикнула и упала навзничь.

Дух пролетел над ней, промахнувшись лишь на несколько дюймов. По инерции его отбросило к мечам, перекрыв тем самым для Рен путь к оружию.

Она поднялась на колени, задевая еще больше костей.

Нет, не костей.

А тел.

Повсюду в грязи лежали тела.

С замиранием сердца Рен осознала, что такую гигантскую яму не стали бы рыть для того, чтобы похоронить только один труп. Ее вырыли, чтобы спрятать множество останков. После этого, годы спустя, сверху был бесцеремонно брошен еще один, свежий труп.

Она наткнулась на братскую могилу.

Паника обожгла грудь. Инара же не планировала убивать ее? Не то чтобы это имело значение. Хотела того Инара или нет, но теперь Рен грозила смертельная опасность.

В яме было по меньшей мере пять, может быть, около десяти тел. Хотя из-за костей, которые упали вместе с Рен, сложно было сказать наверняка. Обнаруженные останки были старше первого трупа, со сломанными и разбросанными повсюду костями, что не делало их призраков менее злобными.

Дрожащей рукой Рен вытащила Гибель призраков, но в этой ситуации кинжал мало чем мог ей помочь.

Нежить уже поднималась, наполняя пещеру светом.

Рен, возможно, могла выстоять против одного призрака или горстки духов первого или даже второго уровня, но, судя по внимательным, яростным взглядам, ее противники были по крайней мере третьего.

Рен удалось присесть, спрятавшись за стеной пещеры, но она все равно оказалась в ловушке. Слева от нее располагались брошенное оружие и первый призрак. Справа – остальная неуклонно пробуждающаяся нежить.

Костяшки не остановили бы призраков, только разозлили, а костяная пыль, хоть и обладала свойствами отпугивать нежить, не обладала достаточной мощностью. Пыль рассеивалась в воздухе, образуя менее прочный барьер, чем настоящая кость. В бою ее часто использовали в качестве отвлекающего или сдерживающего маневра. Костяная пыль была универсальной, и у нее имелись другие способы применения...

В то время как остальная нежить продолжала кружиться, формируясь во все более святищихся призраков, первый, уже набравшийся сил, ярко вспыхнул.

Он готовился ко второй атаке, что было одновременно и хорошо, и плохо. Плохо, потому что речь шла о призраке, одного прикосновения которого было бы достаточно, чтобы обречь ее на медленную, мучительную смерть.

Хорошо, потому что его атака побудила бы остальную нежить отдалиться от мечей, которые были для Рен единственным шансом на спасение.

Когда дух снова устремился к ней, черты его лица стали размытыми и искаженными. Рен бросилась вперед, кувырнулась, снова уклоняясь... но только на мгновение. Она оказалась в опасной близости к другим призракам, которые уже шевелились, но еще не приняли форму.

Пошатнувшись, Рен вскочила на ноги и кинулась к своим мечам.

Несмотря на свою скорость и сверхъестественные способности, призраки не умели ни летать, ни карабкаться на стены. Так же, как и при жизни они оставались привязанными к земле. Рен просто нужно было забраться достаточно высоко, чтобы они не смогли до нее дотянуться.

Так что план состоял не в том, чтобы победить десяток нежити, с которыми она оказалась в ловушке, а задержать их, чтобы выиграть себе время и пространство для подъема.

Вот тут и пригодилась костяная пыль.

Не сводя глаз с призраков перед собой, Рен достала мешочек и торопливо начертила на грязи полукруг, создавая вокруг себя защитное кольцо.

Магия, которая позволяла призракам существовать, исходила из земли, поэтому, даже паря в воздухе, некоторые барьеры они пересечь не могли. Во-первых, воду, а во-вторых, кости. И то и другое было настолько привязано к жизни, что сама их природа отталкивала нежить.

Но Рен все же рисковала. Из-за глинистой стены, на которую ей предстояло взобраться, девушка не могла начертить полный круг. Так что теоретически, чтобы преодолеть барьер, призрак мог просто пройти сквозь стену. Но для этого потребовалось бы критическое мышление, которым нежить не обладала. Их атаки всегда были прямыми и никогда – хитрыми или стратегическими.

Девушка встала, вложила кинжал в ножны и повернулась к нежити спиной.

Глубоко в душе она чувствовала, что поступает неправильно, ведь это шло вразрез с ее тренировками и инстинктом валькирии. Но Рен нужно было выбраться из этой ямы как можно быстрее.

Она вырвала первый меч из земли и подпрыгнула, чтобы ухватиться за второй, подтянулась и, используя инерцию, развернулась всем телом и снова воткнула первый меч в стену. В поисках опоры Рен скребла ногами по грязи, когда вдруг почувствовала покалывание в спине, сопровождаемое колеблющимся, мерцающим светом. Один из призраков бросился на нее, но барьер из костяной пыли выдержал столкновение. Пока что.

Ей очень хотелось обернуться и посмотреть, но Рен боялась того, что могла увидеть. Возможно, все призраки собрались позади нее, готовые к нападению. Последнее, что ей было нужно, – это сорваться от испуга и приземлиться в пыль, нарушив тем самым барьер. Вместо этого Рен карабкалась изо всех сил, какие у нее только остались.

Когда верх ямы оказался достаточно близко, она вонзила свои мечи бок о бок и дрожа подтянулась обеими руками.

Левым пальцем ноги Рен нащупала одно из отверстий, оставленных лезвием. Только в этом она и нуждалась. Девушка подтянулась, оттолкнулась и, вскарабкавшись вверх по мечам, перевалилась через край.

Перевернувшись на спину, она сделала несколько судорожных вдохов. Немного отдышавшись, она подползла к краю ямы. Все было так, как она себе и представляла: призраки собрались возле кольца из костяной пыли. Призрачный свет яростно потрескивал, когда они раз за разом атаковали и отступали.

Рен перегнулась через край, трясущимися руками выдернула свои мечи, а затем с трудом поднялась на ноги.

Она взглянула на луну, неумолимо двигавшуюся по небу.

Время поджимало, а ей еще нужно было найти своего жнеца.

Глава

5

Когда Рен, грязная и измученная, наконец выбралась из Костяного леса, на горизонте уже маячил рассвет.

Когда она вышла из-за деревьев, ее ослепили факелы, отмечавшие финишную черту. После нескольких часов призрачной темноты их свет казался слишком ярким.

Рен пришла последней... и ей пришлось идти одной. Когда она приблизилась к судейской трибуне, воцарилась тишина. Все участники испытания, включая Инару, Этена и Соню, стояли там. Все, кроме нее.

Сердце Рен заколотилось где-то в горле.

Пока все пялились на нее, девушка не моргая смотрела на Инару. Несмотря на свои козни, она твердо встретила взгляд Рен и едва ли не машинально положила ладонь на рукоять Ночного охотника.

Рен оскалила зубы. Ей хотелось наброситься на кузину, ударить ее, но девушка понимала, насколько шатким уже стало ее положение. Рен подавила приступ паники, грозивший захлестнуть ее.

Это еще не конец. Она все еще могла все исправить.

Не обращая внимания на шепот и пристальные взгляды, Рен направилась к началу группы. Несомненно, она выглядела ужасно. В то время как несколько других участников были забрызганы грязью или получили парочку царапин, Рен, казалось, проглотил и выплюнул обратно сам Костяной лес.

Она перевела свое внимание на судейский стол. Ее отец, хоть и пытался придать лицу привычное выражение уверенности, все же выглядел встревоженным ее появлением. Остальные смотрели на Рен с очевидным осуждением.

К сожалению, их неодобрение не было для девушки чем-то новым, поэтому она не обратила на него внимания и полностью сосредоточилась на том, чье мнение имело для нее значение.

– Миледи, – начала она. Во рту внезапно пересохло, как от костяной пыли, а ладони и затылок стали влажными от холодного пота. Все, и Инара в том числе, обернулись на звук ее голоса. Им не терпелось услышать, что она скажет. – Я...

Светлана проигнорировала ее и поднялась на ноги.

– Ученики-жнецы, выйдите вперед и продемонстрируйте собранные кости.

Жнецы открыли сумки и разложили свою добычу у подножия подиума для осмотра. Судьи не только подсчитали результаты и обратили внимание на мастерство и точность среза, но также проверили, была ли кость собрана недавно, а не подобрана в лесу или тайно проне-сена на испытание.

После этого все ученики выстроились в шеренгу и встали по стойке «смирно».

– Сегодня вечером вы пытаетесь пройти испытание Костяного леса, – сказала Светлана, глядя свысока на собравшихся. – Обряд посвящения для всех, кто желает служить Дому Костей и участвовать в его битве с нежитью. Вашей задачей было пройти через лес без каких-либо происшествий и собрать трех призраков. – Ее ничего не выражающий взгляд на мгновение задержался на каждом, пока не остановился на Рен: – *В назначенных вам парах.*

Рен склонила голову. Если бы она только могла все объяснить... Соня оказалась хорошим напарником, и они *вместе* собрали три кости. Да, они разделились, но Рен оправилась от ужасного предательства, отбилась от стаи призраков третьего уровня, выбралась из обвалившейся пещеры в самой опасной части Костяного леса и все равно прибыла к финишу до рас-

света. Если уж это не доказывало, что она заслуживала стать валькирией, то девушка просто не знала, что еще нужно сделать.

– Мастер Колм и мастер Эйрин, – громко и отчетливо произнесла Светлана. – Приготовьте свои клинки.

Названные упали на колени, обнажив оружие и высоко подняв его в той же позе, которую принимали перед началом испытания.

Не было слышно ни звука – только шум ветра в ветвях костяных деревьев и потрескивание факелов.

– Предлагаете ли вы свое оружие и самих себя Дому Костей, с этого момента и навсегда?

– Да, леди Светлана, – ответили они в унисон.

– Встаньте, валькирия и жнец. Смерть так же неизбежна, как рассвет, и с новым днем восстанут новые мертвецы. Тогда мы придем. Чтобы найти. Сразиться. И освободить. Тогда живые смогут процветать, а мертвые покоиться с миром.

То были слова Дома Костей – его священная цель и объединяющий клич. Колм и Эйрин прошли испытание. Прежде чем отойти в сторону, они с расправленными от спавшего напряжения плечами обменялись ухмылками.

Затем настала очередь Калисен и Джиневры.

Лейфа и Имоджен.

И, наконец, – Инары и Этена.

– И мастер Соня, – добавила Светлана.

Рен вскинула голову и тоже шагнула вперед, но бабушка остановила ее холодным взглядом.

– Приготовьте свои клинки, – сказала Светлана, и все трое опустили на колени. – Встаньте, валькирия и жнец... и жнец.

В ушах Рен звенело, пока Светлана произносила оставшиеся слова. Девушка могла только оцепенело наблюдать, как предавшие ее жнец и валькирия принимают свою победу.

– Особенно я хотела бы отметить мастера Инару, – продолжила Светлана. У Рен скрутило живот, когда кузина сверкнула своими идеальными белыми зубами. – Она не только закончила испытание Костяного леса одной из первых, но и проявила храбрость, выходящую за рамки долга, вернув домой двух наших драгоценных жнецов.

Светлана дала знак одному из своих слуг, который стоял рядом с возвышением. Он поспешил вперед, чтобы возложить что-то на голову Инары. Покрытый золотом венок чемпиона из сплетенных пальцев.

Рен никогда раньше не видела такого украшения, хотя и слышала рассказы о нем. Она взглянула на своего отца. Несомненно, он ожидал от *нее* чего-то подобного. Чего-то эффектного.

Все трое отошли в сторону, оставив Рен одну стоять перед возвышением.

Снова воцарилась тишина, которая, казалось, росла и менялась, словно призрак, собирающий силы.

Рен больше не могла этого выносить.

– Леди Светлана, я... – попыталась она снова, но поднятой руки оказалось достаточно, чтобы слова застряли у нее в горле.

– Твой клинок, – отрезала Светлана. В груди Рен вспыхнула надежда. Почти такие слова она хотела услышать...

Девушка неуверенно вытащила кинжал. Она осмелилась взглянуть на отца, но выражение его лица оставалось непроницаемым. Знал ли он, что произойдет? Если ей грозило что-то плохое, отец бы попытался ее предупредить.

– На колени, – продолжила Светлана.

Рен, едва осмеливаясь дышать, попыталась опуститься на землю, но пошатнулась от резкого взрыва холодного смеха.

– О нет, не ты, – сказала Светлана, и промелькнувшее на ее лице веселье тут же испарилось. – Клинок.

Рен конвульсивно сжала рукоять Гибели призраков и взглянула на Инару. Кажется, даже *она* не догадывалась, что будет дальше.

Несмотря на их пари, Рен не собиралась расставаться с кинжалом, потому что не собиралась проигрывать. Гибель призраков был для нее самой дорогой вещью, единственным подарком отца.

Но Рен отбросила сентиментальную привязанность и попыталась понять, что означали слова Светланы. У каждой валькирии имелся кинжал с костяным лезвием, либо унаследованный от члена семьи, либо подаренный Домом Костей перед началом обучения.

Без него Рен не была бы валькирией... *или* ученицей.

– Но мне он нужен, – отстраненно произнесла Рен, все еще сжимая оружие. Леди Светлана осталась невозмутимой.

– Нет, не нужен.

Эти слова вернули Рен к реальности.

– Нет, нужен, – сказала она, делая шаг вперед. – Миледи, пожалуйста, позвольте мне все объяснить...

– Рен, – раздался резкий и предостерегающий голос отца, но она проигнорировала его.

– Бабушка, – сказала она дерзко... отчаянно. Никогда раньше она не обращалась к главе своего Дома так неофициально, тем более на публике, но Светлана была матерью ее отца, между ними имелись кровные узы, и Рен хотела напомнить об этом. Светлана всегда присутствовала в жизни Рен, но на расстоянии. Она была не членом семьи, а человеком, занимающим высокий пост, но в данный момент у Рен просто не осталось выбора. – Пожалуйста.

Глаза Светланы вспыхнули.

– Кинжалы с костяным лезвием предназначены для валькирий Дома Костей, а ты недостойна подобного титула. – Слова обожгли как удар хлыста, лишив Рен последних крупиц самообладания. – Ты не только не смогла завершить испытание со своим жнецом, но и вынудила ее пересекать Костяной лес в одиночку. Если бы не Инара, мне и подумать страшно, что могло бы произойти.

– Если бы не Инара, нам бы и не пришлось разделяться, – яростно отозвалась Рен. – Это она...

– Замолчи, – прошипела Светлана. – Если тебе, Рен Грейвен, и есть кого винить, то только себя. В своих поступках ты опрометчива и безрассудна, так что я уверена, что затруднительное положение, в котором ты оказалась, целиком и полностью твоя вина. Проще говоря, ты *бросила* своего жнеца. Опозорила орден валькирий, свою родословную и Дом Костей. Подобное нельзя спустить с рук. Я не могу позволить такому позору жить под моей крышей.

Рен стало ясно – речь шла не о простом провале...

– Тебе больше не рады как в Мэрроу-Холле, так и на Костяных землях. Ты немедленно отправишься на юг и в качестве наказания будешь служить в Крепости на границе Пролома.

– В Крепости на границе Пролома? – слабо повторила Рен. Крепость была главным укреплением вдоль Пограничной стены. Когда-то опасная граница после окончания Восстания превратилась в глухомань, куда третьесортные мастера отправлялись зарабатывать на скудное пропитание или куда в качестве «наказания» благородные семьи отправляли служить своих нерадивых или вторых по линии наследования детей.

Это было не просто наказанием, а самым настоящим изгнанием.

– Охраняй Крепость и Пограничную стену так же, как охраняешь свои собственные эгоистичные интересы. Тогда, кто знает, возможно, тебе удастся не опозорить себя окончательно. – Леди Светлана указала подбородком на землю. – Клинок.

Рен дрожащей рукой держала перед собой Гибель призраков. Ее пальцы отказывались двигаться.

В безмолвной мольбе она снова посмотрела на отца. Он не ответил. Рен взглянула на Инару, на чьем лице застыло напряженное выражение, значения которого Рен не смогла определить. Этого ли она хотела добиться с самого начала? Желала ли ее кузина, чтобы все зашло так далеко?

Лезвие с глухим стуком упало на снег.

Рен казалось, что она осталась одна, несмотря на то что по обе стороны от нее стояли новоиспеченные валькирии и жнецы.

Рен отказывалась собирать вещи, хотя корабль отплывал уже следующим утром.

Судно носило имя «Потерпевший кораблекрушение», и Рен не могла не размышлять, было ли это насмешкой вселенной в целом или ее бабушки в частности. Она всегда знала, что Светлана не любила ее ни как внучку, ни как ученицу. Всю жизнь она была холодна, почти жестока, никогда по-настоящему не смотрела на Рен, за исключением тех случаев, когда нужно было ее одернуть или раскритиковать. И все же какая-то часть Рен верила, что отец попытается ее защитить. Но он этого не сделал. Он и сам занимал в сердце своей матери довольно шаткое положение. Казалось, кроме мертвых, никто не был достаточно хорош для Светланы.

Рен расхаживала взад-вперед, когда в дверь тихо постучались. Девушка резко обернулась. Она уже знала, кто это.

– Я могу все объяснить, – сказала девушка, примирительно подняв руки, когда отец вошел в комнату.

Рен еще никогда не видела его таким мрачным, искры в его глазах погасли.

– Я же говорил тебе быть осторожной!

Несмотря на страх, Рен от возмущения открыла рот.

– Ты также сказал пройти испытание эффектно!

– Вот именно, пройти эффектно, а не эффектно провалиться.

Рен захлопнула рот.

Отец оглядел маленькую комнату и не стал комментировать беспорядок, который она устроила, – разбросанную повсюду одежду и открытые, но все еще несобранные сумки.

– Ты впервые позволила Фелл взять верх, и это во время самого важного испытания в твоей жизни?

Рен сглотнула:

– Она обманула меня. Там была яма, которая на самом деле оказалась пещерой. Они просто оставили меня там. Я... – Она замолчала. По правде говоря, то, что она едва выжила, теперь казалось не таким уж важным.

– На испытании в Костяном лесу всегда случались ловушки и уловки. – Отец выпрямился, критически оглядывая ее. – Учитывая всю ту ерунду, которую ты обычно вытворяешь, я думал, что ты легко справишься с подобными глупостями.

– Глупостями? – пролепетала Рен. – Я упала в братскую могилу глубиной пятнадцать футов. Она была заполнена по меньшей мере десятью призраками третьего уровня! Я единственная ученица, которая могла бы выбраться оттуда живой... и мне это едва удалось.

На отца ее слова не произвели особого впечатления.

– Ты больше не ученица.

Рен охватило чувство разочарования и бессилия.

– Пожалуйста, отец. Поговори с ней. Ты...

– Слишком поздно, Рен, – просто ответил он. – Я же говорил, что леди Светлана только и искала повод выставить тебя вон. У твоей бабушки ты никогда не была в любимчиках.

Резкость, с которой были произнесены эти слова, ранила сильнее, чем следовало бы. Она ведь и так об этом знала, но все же несправедливость происходящего угнетала ее.

В конце концов, Рен не была виновата в том, при каких обстоятельствах она родилась. Она была зачата во время Железного восстания.

Похоже, отец весело провел время с одной из сослуживцев, пока защищал Пограничную стену. Так что Рен родилась, когда война подходила к концу. Ее мать умерла при родах, и Вэнс вернулся в Мэрроу-Холл с ребенком на руках. Это могло бы и не вызвать гнев бабушки... если бы в то время ее отец не был бы помолвлен с дочерью короля.

Последовавший за этим скандал привел к поспешному и неприятному разрыву помолвки. Отцу или, как подозревала Рен, ее бабушке пришлось проститься с планами на престол. Любое действие леди Светланы Грейвен было направлено на поддержание славы и престижа Дома Костей. Существование Рен грозило все разрушить. Служило постоянным напоминанием об этом. Вэнс разочаровал свою мать – во-первых, потому что вернулся домой *без* Локка, наследника их Дома и ее очевидного любимца, а во-вторых, потому что завел роман, в результате которого стал отцом внебрачного ребенка.

Неудивительно, что отец редко рассказывал Рен о своей службе на Пограничной стене или о чем-либо, связанном с ее матерью. Неудивительно, что он хотел, чтобы сегодня вечером она справилась как можно лучше.

А все закончилось изгнанием.

Рен скрестила руки на груди, раздраженно выпятив подбородок.

– Ты – наследник нашего Дома. Однажды ты станешь его главой. У тебя определенно должно быть право голоса.

– Ты же знаешь, что все не так просто, – сказал он, отводя взгляд. – Я несу ответственность перед всем Домом Костей, а не только перед тобой. Так что не могу нарушать правила всякий раз, когда мне это выгодно.

Рен одарила его взглядом, который ясно говорил: *«Очевидно, можешь и уже так делал – я тому живое доказательство»*.

– И посмотри, куда меня это привело, – тихо сказал он, правильно истолковав выражение ее лица. – Живу в тени мертвеца, не имея права вступить за собственную дочь.

Рен захлестнуло отчаяние. Ей казалось, что их разговор окончен, но она старательно искала способ его продлить.

– Я нашла свежее тело, – выпалила она.

Отец замер.

– Свежее тело?

– Ну, то есть *относительно* свежее. Ему не больше пяти лет.

Рен поежилась от пристального взгляда, которым отец скользнул по ее лицу.

– Ты нашла что-нибудь еще?

Стоило ему спросить, как кольцо в ее кармане, казалось, стало тяжелее. Рен хотелось показать отцу свою находку, расспросить его, но она уже слышала упрёки и представляла вину,

которую он возложит на ее плечи. Вот почему она так долго добиралась до финиша? Могла бы спасти ситуацию, если бы не медлила?

– Нет, – вполне правдоподобно солгала она. Это был не первый ее допрос.

– Нет? – переспросил отец, растягивая слово. Когда она ничего не добавила, он наконец отвернулся и пожал плечами: – Я займусь этим. Возможно, ошибка нового землекопа... или тело просто очень хорошо сохранилось.

– Я знаю, как определить дату смерти, – отрезала Рен, скрестив руки на груди. Возможно, она и провалила испытание в Костяном лесу, но все-таки девушка изучала мертвые тела в различных стадиях разложения с восьми лет, когда начала учиться на костолома.

– Как скажешь.

Рен нахмурилась.

– Тебе так сильно хочется спорить? Я пришел попроситься, а не сражаться.

Как ему всегда это удавалось? Выставлял все так, будто это она вела себя неразумно и затевала спор, в то время как именно *он* отказывался ее слушать.

Когда Рен не ответила и не перестала хмуриться, отец рассмеялся. Своими большими руками он сжал плечи дочери. Их лица оказались почти на одном уровне, но этот жест заставил ее почувствовать себя маленькой.

– Ну же, птичка. Не хочу, чтобы мы расстались на такой ноте.

Рен стиснула зубы, отказываясь смотреть на него, потому что от внезапных слез защипало глаза. *Птичка*. Он не называл ее так уже очень давно.

Рен уезжала и не знала, когда снова увидит своего отца. Расставания не были для них новинку, учитывая, что он постоянно то покидал Мэрроу-Холл, то возвращался. Но на этот раз все было гораздо более туманно. Никто не сказал, сколько ей придется служить в Крепости на границе Пролома. Это могло занять два года, два месяца... или всю оставшуюся жизнь.

Рен уступила, опустив скрещенные руки и встретившись с отцом взглядом.

– Вот так, – сказал он с одобрительным кивком. Рен ненавидела то, как от этого потеплело в ее груди. – Исполни свой долг – служи в Крепости добросовестно.

– Добросовестно? – равнодушно переспросила она.

– Да. Это значит, больше никаких шалостей, Рен. Несмотря на все слухи, мы говорим о *действующей* Крепости на границе территорий, за которые идет борьба. Пусть война и закончилась, но в любой момент может разразиться новая.

Услышав это, Рен нахмурилась:

– Такое возможно? Разве кузнецы не выбились из сил, а нежить не была отброшена назад?

– Да, наши враги потерпели поражение, – согласился он, – но каков лозунг Дома Костей?

Рен слышала эти слова всего несколько часов назад.

– Смерть так же неизбежна, как рассвет, и с новым днем восстанут и новые мертвецы.

– Вот именно. Мы всегда должны быть начеку. Пролом так и не был закрыт, и, хотя нежити стало меньше, она все еще не уничтожена до конца. Кроме того, к востоку от Стены таятся и другие опасности. Бандиты и разбойники. Воры и браконьеры. Некоторые погибли там, исполняя свои обязанности. Твой дядя умер, когда служил там. – Он замолк. Подобную паузу он делал всегда, когда в разговоре всплывал его брат. – Твое имя или должность... не смогут тебя защитить. *Я* не смогу тебя защитить. Понимаешь?

Рен кивнула, борясь с нахлынувшими эмоциями. Было облегчением узнать, что отцу *действительно* не все равно, несмотря на отсутствие реакции после испытания и настойчивые заявления о том, что он не в силах ей помочь. Он *хотел* защитить ее, даже если не мог.

– Прибыв на место, ты попадешь под начало Одиль Дэрроу – самого высокопоставленного мастера в Крепости. Она была жнецом Локка. Мы сражались вместе после образования Пролома и во время Восстания. Одиль присмотрит за тобой. – Он отступил назад, опустив

плечи. – Следуй правилам, выполняй приказы, – при этих словах его глаза заблестели, к нему вернулось привычное шутливое настроение, – и докажи, что ты достойна возвращения.

Прежде чем уйти, он поцеловал дочь в лоб, задержавшись губами на полсекунды.

Оставшись одна, Рен в оцепенении собирала вещи, прокручивая в голове прощальные слова отца.

Следуй правилам.

Выполняй приказы.

Докажи, что ты достойна возвращения.

Отец велел ей продолжать бороться, даже находясь за сотни миль от дома.

Рен опустила руку на пояс, на пустые ножны, в которых когда-то лежал Гибель призраков. По крайней мере, ей не пришлось отдавать его Инаре.

– Ты задолжала мне семейный клинок, Грейвен, – сказала кузина, после того как испытание было официально завершено, а Рен ознакомилась со своим приговором.

– Я всажу его тебе в глотку, – прорычала Рен в ответ, но Инара ее не слышала. Она уже отошла достаточно далеко, чтобы купаться в лучах славы и вступить в свою новую жизнь валькирии с золотым чемпионским венком на голове.

Рен вздохнула.

Она знала, что после сегодняшнего вечера их пути разойдутся, но не ожидала, что все обернется именно так.

Глава

6

«Потерпевший кораблекрушение» переправил Рен из Севертона, крупнейшего города Костяных земель и ближайшего к Мэрроу-Холлу порта, в Пик Лэндон, рыбацкий городок на северной окраине полуострова Астория, который официально считался частью Королевских земель.

Оттуда предстояла пятидневная поездка в расшатанной старой повозке, запряженной парой крепких тягловых лошадей. Ею управлял мужчина с кислой миной, который не удостоил Рен даже взглядом.

Солдат, ответственный за их путешествие, оказался простым наемником по имени Ральф. Когда Рен передала ему свои документы, он бросил на нее еще один, едва ли не шуточный, взгляд.

– Баст... дитя Вэнса Грейвена? – спросил он, моргнув.

«Вовремя исправился», – с раздражением подумала Рен.

– И он отправил тебя в Крепость? Чего ради?

Рен нахмурилась еще больше и, не говоря ни слова, забралась в повозку. Опустившись на скамью, она натянула на лицо капюшон. Рен предпочла бы ехать в седле, а не на жестком деревянном сиденье, на котором она подпрыгивала, пока повозка преодолевала булыжную мостовую, чтобы выехать на дорогу. Но зато можно было откинуться на спинку скамьи, закрыть глаза и игнорировать Ральфа до самого вечера.

Ну, во всяком случае, такова была первоначальная идея.

– Может, сейчас я и наемник, но раньше-то служил в армии, – сказал Ральф. Он явно не понял намека Рен и продолжил болтать: – Не поверишь, но я знаю твоего отца! Лорд Вэнс и я вместе служили в Крепости во время Восстания. Ну, не прям вместе, он же костолом, а я простой солдат... – Он сделал паузу, и Рен уже подумала, что на этом все и закончится. Как же она ошибалась. – Славные были деньки для вашего дома! В те времена попасть в Крепость на границе Пролома считалось высшей честью. Костоломов приветствовали на улицах! А сейчас что? Что ж, если второго Восстания так и не произойдет, боюсь, вам придется вернуться к похоронным обрядам и деревенским привидениям. А это не сулит большой славы, правда же? Конечно, работа есть работа. Вот буквально на днях...

Пусть в течение следующих нескольких часов Рен и пропустила большую часть его слов мимо ушей, в какой-то момент она уловила слова «первый пассажир». Значит, им предстояло подобрать кого-то еще.

Действительно, Ральф ездил в Крепость четыре раза в год. По крайней мере, именно это он прокричал, когда они ехали по оживленной дороге. Рен предположила, что он повысил голос для ее же блага, хотя она об этом не просила. Путь наемника пролегал от Пика Лэндон через несколько небольших деревень и городков, после чего он огибал Брайтон в Серебряных землях и добирался до юга, а затем направлялся на восток, к Крепости на границе Пролома, собирая по пути «провинившихся».

Дом Серебра обучал своих мастеров в Брайтоне, и, если не считать Мэрроу-Холл, больше всего «провинившихся» отправлялось в Крепость именно оттуда. Серебряники были в первую очередь целителями и поэтому всегда пользовались спросом на местах военных действий. Серебро обладало дезинфицирующими свойствами, поэтому его использовали не только для очистки колодцев или сохранения свежести и стерильности вина в бочках, но и в медицине. Серебряники использовали серебряные нити в бинтах для перевязки ран, накладывали серебряные швы для закрытия глубоких порезов, а для проведения операций брали серебряные

инструменты. Рен даже слышала, что они могли использовать серебро для стабилизации сломанных костей, пока те не срастутся.

Каменщики помогали строить Пограничную стену и часто выполняли мелкие поручения, чтобы сохранить ее в должном виде. Тем не менее они не были официально признанным домом, поэтому и не присылали «провинившихся». Десятилетия назад, во время конфликтов, в результате которых северные Валорианцы получили единоличное правление над Владениями, каменщики вступили в союз с южными королями и впоследствии потеряли все. Теперь от них осталась лишь горстка сохранивших традиции семей, разбросанных по Владениям, но у них не было ни центрального дома, ни земель. Тем не менее построенный два столетия назад замок в Каменном копье считался самым великолепным, даже величественнее инкрустированного золотом гиганта Гилмор, являющегося резиденцией Дома Золота.

Рен давно хотела увидеть Каменное копье своими глазами и планировала сделать это, после того как закончит обучение и станет валькирией. Теперь, будучи изгнанной, она с болью осознала, что, возможно, у нее никогда не будет подобного шанса.

В военное время от ювелиров было мало проку, поэтому они не утруждали себя изгнанием «провинившихся» и просто присылали золото. Кузнецы же практически вымерли. Из-за Пролома их школы были закрыты, а ремесло объявлено вне закона. Хотя они оказались не единственными мастерами, подвергшимися подобному обращению. Первыми в изгнание отправили некромантов.

Рен снова прислушалась к непрекращающейся болтовне Ральфа как раз вовремя, чтобы узнать, что он был не единственным, кто перевозил «провинившихся». И вот вскоре он уже демонстрировал пренебрежительное отношение к конкурентам.

– У них, может, есть дешевая сталь и лошади, и они знают дорогу, но никто из них не видел *войны*. Я – лучшая защита, которую можно купить за деньги, – гордо заявил Ральф. К большому разочарованию Рен, чтобы легче вести беседу, он решил ехать в повозке, а не на козлах. Ральф выжидающе улыбнулся ей, будто хотел получить свою порцию похвалы. Она больше не могла притворяться, что не слышала его, потому что делала так уже несколько раз.

– А что, дорога до Крепости такая опасная? – неуверенно спросила Рен. На самом деле ей было все равно, она хотела погрузиться в тишину и упиваться жалостью к себе. Рен все еще не могла поверить, что позволила заманить себя в ловушку и теперь ее увозил на край света мужчина по имени Ральф, который не знал, когда нужно заткнуться.

– Любая дорога, которая проходит через дикую местность, опасна! – предупредил он. – На юге Речных земель бродят преступники, как бы сильно Его величество ни старался держать их в узде. А за пределами городов для усталых путников расставляют ловушки карманники и воры. Не говоря уже о солдатах, которые после окончания войны не нашли себе честного заработка... или просто решили не утруждать себя поисками.

Рен слегка оживилась:

– Вам часто приходилось драться?

Ограбление по дороге, несомненно, освежило бы ситуацию.

– Никогда, – услужливо вмешался кучер, отчего Ральф опустил гордо выпяченную грудь.

– *Пока* не приходилось, – уточнил он, злобно оглянувшись.

Рен откинулась на спинку сиденья.

Как и большинство жителей Владений, которые мало что знали о нежити, Ральф отказался путешествовать после наступления темноты. Мертвецы, хоть и предпочитали ночь, могли атаковать и днем. Вся загвоздка была в солнечном тепле, из-за которого холодным по своей природе призракам было трудно принимать форму. Дневной зной постепенно испепелял их, как прохладный утренний туман.

Как бы то ни было, на всех основных дорогах все равно были установлены защитные устройства, изготовленные костоломами. Учитывая еще и то, что с ними была Рен, любая опас-

ность отпадала. Тем не менее по прибытии в маленькую придорожную деревушку ее попросили выйти из повозки и устроиться на ночлег в конюшне, которую заранее подготовил Ральф. Так она и сделала. С отвращением.

Костолом не стал бы жить в таких захолустных местах, как это. Рен чувствовала окружающие деревню кости, а также дополнительные талисманы, установленные в нескольких более крупных зданиях, включая конюшни. Возможно, в какой-то момент призрак напал на дорогих лошадей, сделав их слишком нервными. Или это позволяло размещать посетителей в конюшне, когда в гостинице не оставалось свободных комнат.

Когда они выехали на следующий день, к ним присоединилось еще три пассажира. Они сделали несколько остановок в деревушках поменьше, прежде чем добраться до Осинового хребта, большого города, за каменными стенами которого располагался костяной частокол. Это был известный перекресток с храмом, посвященным костоломам. Дома и деревни могли возводить любую защиту, чтобы оградить себя от того, что находилось снаружи, но они ничего не делали против нежити, что таилась внутри. Хватало всего одного бедняка, не способного заплатить за надлежащее погребение, или неудачной драки в таверне, в результате которой чье-то тело осталось в сточной канаве. И вот – по улицам уже бродил призрак. Вот почему в крупных городах имелись по крайней мере один жнец и валькирия, или, если они могли себе это позволить, храм, отвечающий за все погребения, похоронные обряды и защиту.

В столице располагалось полноценное посольство, в котором работали десятки костоломов. Именно там отец Рен проводил большую часть своего времени, когда отлучался из Мэрроу-Холла. Однако больше всего Рен интересовали путешествия отца по Владениям, когда он осматривал местные храмы или обедал с важными вельможами. Конечно, не из-за возможности пообщаться с высшим обществом, а из-за достопримечательностей. Приключений. Несмотря на обстоятельства, поездка в Крепость, к сожалению, была самым захватывающим путешествием, в котором Рен когда-либо участвовала.

Большинство пассажиров, которых они выбрали, были бедными сельскими жителями. Они искали оплачиваемую работу, регулярное питание и крышу над головой, поэтому и хотели охранять Крепость, но среди новых пассажиров оказался еще один «провинившийся» – серебряник-целитель, только что окончивший Брайтонскую академию.

Они также выбрали пару каменщиков, нанятых на временную работу, и девушку, которая утверждала, что ее отец был друидом.

– Я видела, как он призывал деревья.

В ответ на ее слова остальные с сомнением переглянулись. Друиды практически исчезли из Владений наряду с некоторыми другими еще более редкими меньшинствами вроде оловянщиков, медников или мастеров, работающих со свинцом. Каменщики тоже могли бы кануть в безвестность, если бы не тот факт, что их ремесло все еще пользовалось большим спросом. Таким образом, даже без статуса они могли обеспечивать себя хорошим доходом и стабильной работой. Но обучение на оловянщика или медника редко того стоило, ведь их изделия были недостаточно ценными, а работа – менее оплачиваемой. Большинство из них получало свои знания от родителей или бабушек с дедушками и считалось не более чем фокусниками по сравнению с обученными надлежащим образом мастерами.

Если отец девушки действительно *был* друидом, он принадлежал к вымирающей породе, представители которой когда-то и правда были достаточно сильны, чтобы призывать деревья. Но теперь таких не осталось.

Все мастера когда-то были могущественнее. Ходили истории о каменщиках, призывавших Остроконечные горы с равнин, о ювелирах, извлекавших расплавленные потоки золота прямо из речных русел. Библиотекарь Мэрроу-Холла говорил, что раньше Могильщик мог чувствовать кости за много миль, но, очевидно, со временем магия угасала, родословные больше не были такими чистыми, из-за чего из поколения в поколение способности ослабевали.

Друидам пришлось туго с самого начала, потому что во Владениях было не так много леса, чтобы поддерживать связь с материалом, требуемым их магией.

К счастью, во всяком случае, для костоломов, пока во Владениях живут люди, кости и тела всегда найдутся.

Они прибыли в Крепость на следующий день после полудня.

Рен первой заметила Стену и приподнялась, чтобы лучше разглядеть массивный гранитный барьер. Стена змеилась по ландшафту, по крутым холмам и каменистой почве, уходя вдаль с обеих сторон. Когда они подъехали ближе, стала видна и сама Крепость. Построенная из того же серого камня, она прилегала к основанию Стены. Самая высокая башня располагалась прямо в Стене, возвышаясь на несколько этажей и открывая лучший вид на раскинувшуюся за ней землю. Такие же башни, расположенные вдоль остальной части Стены, выступали в качестве наблюдательных пунктов. В них же размещались небольшие гарнизоны. Внутри Крепости располагались ворота, через которые можно было переправиться на другую сторону, и еще одни, но южнее. Называемые Серебряными воротами, они вели к небольшой крепости, которая охранялась заметно слабее.

Крепость на границе Пролома, главное оборонительное сооружение, оказалась больше, чем Рен ожидала, хотя и не такой величественной. Она отличалась грубой постройкой и была сложена из больших обтесанных блоков без каких-либо ухищрений или украшений. Рен напомнила себе, что Крепость возвели, когда по Владениям свободно бродила нежить, и главным предназначением этого построения была усиленная оборона. Пограничная стена была построена аналогичным образом – ее функциональность преобладала над красотой. Сооружение, созданное исключительно для войны, казалось жестким и безрадостным. На ветру развевался одинокий флаг Владений с изображением падающих звезд на темно-синем фоне.

Стражники выстроились вдоль зубчатых стен, когда Рен вместе с остальными въехала через западные ворота. Хотя они находились слишком высоко, чтобы девушка могла разглядеть, в какую именно сторону они смотрят – на восток, в сторону Земель Пролома и раскинувшихся за ними Одержимых земель или на запад, на прибывших.

Внутренний двор разительно отличался от фасада. Вокруг толпились слуги и конюхи, открыто наблюдавшие за прибывающей повозкой, а стражники отвлекались от тренировочных упражнений или останавливались по пути на свои посты.

На Рен не первый раз так открыто пялились, так что она инстинктивно вздернула подбородок и заняла себя тем, что выпрыгнула из повозки и стала выгружать свои сумки. Вскоре ей и остальным было велено выстроиться у подножия широких ступеней, ведущих в главный зал, и ждать командира Дункана, начальника Крепости.

Ральф и возница тут же поспешили убраться, и внезапный сильнейший приступ паники пригвоздил Рен к месту. У нее возникло безумное желание броситься за ними вслед. Возможно, она недостаточно сильно просила отца позволить ей остаться. Может, если бы она умоляла, он сжалился бы над ней.

Командир Дункан спустился по ступенькам в сопровождении пожилого мужчины, который, судя по одежде, был управляющим.

Командир оказался высоким широкоплечим мужчиной с коричневой, почти красноватой кожей, который выглядел так, словно был впечатляющим воином... когда-то. Теперь же его плечи округлились, волосы поредели, а из-под пуговиц камзола выпирал живот.

Он все еще был одет как солдат, но как тот, который не исполнял служебных обязанностей: в высокие сапоги, толстые перчатки и с мечом на поясе. Рен сомневалась, что за последние годы он участвовал хоть в одном боевом действии.

Дункан не стал утруждать себя приветствиями или любезностями. Когда управляющий, бледный худощавый мужчина с седыми волосами, вручил ему список, командир немедленно начал раздавать поручения.

Деревенские жители были приставлены к капитану стражников, чтобы начать базовое обучение, серебряника отправили в лазарет, а каменщиков попросили приступить к ремонту.

– Леди Рен Грейвен из Дома Костей? – наконец окликнул Дункан, легко распознав ее в толпе. – Ты переходишь в распоряжение Одиль Дэрроу в храм костоломов.

Ах да, Одиль Дэрроу. Самый высокопоставленный костолом Крепости и бывший жнец Локка Грейвена.

А теперь ее новая нянька, в чем Рен была совершенно уверена.

Глава

7

Храм костоломов, к которому вели каменные ступени, находился под землей. Он представлял собой единственную мастерскую с длинным столом из гладкого черного камня, на поверхности которого было разбросано нуждающееся в починке костяное оружие, банки с костяной пылью и пара затупившихся серпов со ржавыми рукоятками.

В канделябрах, как и в затемненных нишах, горели оплывающие свечи. Это место казалось излишне жутким, даже для костолома, и Рен споткнулась о несколько сложенных друг на друга стульев, которые было невозможно разглядеть в темноте. Девушка поняла, что раньше, вероятно, помещение было залом заседаний – за длинным столом можно было усадить по меньшей мере дюжину мастеров. Закрытые двери вели в дополнительные помещения, хотя Рен подозревала, что ими больше не пользовались.

Только из одной открытой двери в главную комнату проникало слабое свечение.

Рен обошла оставшиеся стулья, бросила свои сумки на пол и нерешительно постучала в открытую дверь.

– Да? – последовал рассеянный ответ женщины. Рен видела, как обладательница этого голоса, склонив голову, сидит за письменным столом, уткнувшись носом в книгу.

Рен вздохнула, размышляя о том, как далеко уже успел уехать Ральф и примет ли ее отец, если в этот раз она будет умолять достаточно настойчиво.

Вместо этого девушка расправила плечи и вздернула подбородок.

– Меня послал командир Дункан. Я ваша новая подопечная.

Последовала пауза, и наконец женщина – несомненно Одиль – подняла голову. Взгляд ее светлых глаз скользнул по Рен с удивительной напряженностью. Она моргнула, а затем, казалось, пришла в себя.

– Конечно-конечно. Входи.

Рен вошла в комнату, которая была обставлена как кабинет. Одиль сидела в самом центре, за письменным столом, заваленным бумагами и кожаными папками. Вдоль стен тянулись полки, уставленные книгами, костями и множеством свечей. В помещении также имелся слабо горевший и потемневший от копоти камин.

Все еще взволнованная пристальным взглядом женщины, Рен встала перед столом. Наконец Одиль улыбнулась, но выражение ее лица осталось каким-то отстраненным, словно ее забавляли собственные мысли. Она откинулась на спинку стула, сложив руки на животе. Одиль, с волосами цвета меди, прилизанными и постриженными вровень с линией подбородка, скорее всего, была ровесницей отца Рен.

– Леди Рен Грейвен, я полагаю? – сказала она.

Рен кивнула:

– Зовите меня просто Рен.

– Ты очень на него похожа.

– На Вэнса? – спросила девушка, предположив, что Одиль имеет в виду ее отца. Улыбка женщины стала жестче, и Рен припомнила, что, хотя отец и говорил, что они вместе служили, он никогда не упоминал, что они были друзьями.

– Вообще-то я думала о Локке. – Выражение ее лица смягчилось, стало почти задумчивым, прежде чем она продолжила: – Но уверена, что и с Вэнсом сходство есть... Кое в чем.

– Если найдете между нами что-то общее – дайте мне знать, – отозвалась Рен. – И раз уж пошел такой разговор, то и о схожести с моей бабушкой тоже сообщите. Когда она смотрит на меня, то видит только мою мать, хотя они никогда не встречались.

Хотя у Рен были такие же глаза с бледной радужкой и суровые прямые брови, как у отца, в остальном их мало что связывало. У него были густые вьющиеся волосы светло-пепельного цвета, гордый и крупный нос, а кожа – оливковая, с легким загаром. У Рен же волосы были серебристыми и тонкими, маленький нос правильной формы, а коже, чтобы стать коричневой, нужно было обгореть.

Губы Одиль изогнулись в улыбке.

– У леди Светланы, думаю, талант разглядывать недостатки, а не семейные черты. Хотя часто это одно и то же.

Подразумевались ли эти слова как шутка?

– Мой отец сказал, что вы были жнецом моего дяди. Вы все вместе служили здесь, в Крепости.

– Это все, что он сказал обо мне? – спросила женщина.

– Он сказал, что вы присмотрите за мной, – пожал плечами Рен.

Мгновение Одиль выглядела разочарованной, но после фыркнула.

– Прошу прощения, – увидев на лице Рен удивление, сказала Одиль и покачала головой все с той же печальной улыбкой.

– Я предполагала, что вам доложили о моем прибытии... – неловко начала Рен.

Откуда еще она могла знать ее имя?

– О, так и было. Твой отец прислал мне письмо. – Она сделала паузу. – Вполне в его стиле. Взвалить на меня заботу о тебе, когда сам, очевидно, не справился.

Рен удивленно отпрянула назад, но Одиль еще не закончила:

– Половину своего времени он скитался по Владениям, оставляя единственного ребенка в этом холодном, бесплодном склепе, который они называют Мэрроу-Холл, а потом, когда пришло время убедиться, что ты готова занять свое место в обществе, он позволил своей матери отправить тебя в Крепость? Единственного наследника Дома Костей?

– Я п-провалила испытание...

– А хочешь знать, кто еще провалил испытание в Костяном лесу? – перебила Одиль. – Локк Грейвен.

– Что? – ахнула Рен. Все, с кем она когда-либо разговаривала, утверждали, что Локк Грейвен был идеальным сыном, наследником и валькирией. Он возглавил последнюю атаку, которая положила конец ужасному кровавому Восстанию кузнецов. Он считался чуть ли не святым, его имя упоминали с большим почтением, чем самого Могильщика. А тот, на секундо-дочку, был самым близким к божеству существом в Доме Костей.

Одиль улыбнулась:

– Он был на год старше меня, но даже тогда являлся любимчиком нашего Дома. Он был лучшим в своем классе, не только популярным, но и добрым. – Одиль снова выглядела задумчивой, пока ее мягкая улыбка не окрасилась горечью. – Он всегда старался поступать правильно. Всегда пытался быть героем. По-видимому, во время испытания один из его слабых одноклассников стал жертвой пары гейстов, и Локк остановился, чтобы спасти его, из-за чего не пришел к финишу до рассвета. Конечно, его действия только еще больше расположили к нему мать и остальных обитателей Дома. Провал означал еще один год обучения, но более сурового наказания не последовало. Думаю, Светлана была только рада оставить Локка рядом, особенно учитывая, что всего несколькими месяцами ранее умер ее муж. Полагаю, все сложилось как можно лучше... На следующий год мы вместе сдавали экзамены и были назначены друг другу в пару. Мы прослужили два года, прежде чем образовался Пролом и нас отправили на восток.

Рен нахмурилась. Ее лишили Гибели призраков и изгнали, в то время как Локка просто погладили по головке и он еще год проходил в любимчиках Дома?

Одиль кивнула, увидев ее сердитое выражение лица.

– Когда дело касалось ее драгоценного Локка, леди Светлана нарушала все правила. Для Вэнса она тоже сделала несколько исключений, несмотря на то что так и не простила его за возвращение домой живым, когда ее первенец погиб. И все же она не изгнала его за тот беспорядок, который он устроил с королевской помолвкой. Светлане нужен был наследник, а выбора у нее не осталось. Так что теперь ты здесь, расплачиваешься за грехи своего отца, а я каким-то образом должна тебя защитить.

Рен просто уставилась на Одиль, разинув рот. За всю ее жизнь никто не говорил с ней так прямо, без обиняков. Она расслабилась от огромного прилива облегчения. Внезапно девушка почувствовала, что ее понимают, что она не так уж одинока. Ее колени подогнулись, и она опустилась на ближайший стул.

– Вы правы, – сказала она. – Все это чушь собачья.

Последовала пауза, а затем Одиль рассмеялась глубоким раскатистым смехом.

– Хорошо сказано, младшая Грейвен. Хорошо сказано. – Она склонила голову набок, мгновение разглядывая Рен, а затем поднялась на ноги и направилась к шкафу, который стоял сбоку. Раздался какой-то звон, и Одиль вернулась с бутылкой и двумя стаканами в руках.

– Да, это самая настоящая чушь собачья, – сказала она, наливая по изрядной порции прозрачной жидкости в каждый стакан. Рен взяла свой, понюхала и почувствовала, как от знакомого резкого запаха на глаза навернулись слезы. Это был алка – дистиллированный на севере спирт, любимый напиток ее отца. Одиль одним глотком осушила половину своего стакана и вздохнула, снова откидываясь на спинку стула. – Но разве мы не верные слуги нашего Дома? Так что я выполню свой долг. Буду заботиться и оберегать тебя так же надежно, как...

– Но в том-то и дело, – перебила Рен. Она быстро глотнула алки и ахнула, когда та прочертила огненную дорожку в горле. Девушка прокашлялась, но ее слова все равно прозвучали не более чем хрип. – Я не хочу быть в безопасности.

– Чего же ты хочешь?

– Я хочу стать валькирией... Даже если провалила испытание. Не знаю, как долго я здесь пробуду, но хочу извлечь из этого приключения максимум пользы.

Что-то промелькнуло во взгляде Одиль, что-то, почти похожее на одобрение.

– Прекрасно. Так мы и сделаем. Для начала устроим тебе экскурсию.

– По Крепости?

Одиль обернулась в дверном проеме и, улыбнувшись, покачала головой.

– По миру за ней.

Они облачились в доспехи: Рен отыскала кости в своей сумке, что оставила в соседней комнате, а Одиль тем временем вошла в боковую комнату. Поскольку она была жнецом, а не валькирией, ей защитой служило длинное черное и развевающееся одеяние. У Рен же были и доспехи, и оружие, пристегнутые ремнями к каждому дюйму ее тела.

Одиль приподняла бровь.

– Парные клинки, – пробормотала она, кивая на мечи, которые виднелись за плечами Рен. – Как у Локка, хотя он носил их на поясе. Вэнс же предпочитал дальнобойную артиллерию. Не любил пачкать руки.

Рен усмехнулась. Она наслаждалась каждой крупницей информации, которую Одиль сообщала о ее семье, особенно об отце. Девушка поняла, что часто ставила Вэнса на пьедестал, особенно в сравнении с собой, так что было приятно осознавать, что у него тоже имелись недостатки. Возможно, их было даже больше, чем у нее. Локк тоже не был идеален, и это делало братьев более похожими на реальных людей. На семью.

Когда они подъехали к воротам, одно слово Одиль тут же заставило стражников пропустить их.

Сначала они подняли решетку, сделанную из костей, а затем со скрипом отворили широкие деревянные двери.

Земля за воротами была серой и бесплодной: все деревья или зелень, которые когда-то могли здесь расти, вырубili, чтобы поддерживать оборону.

Здесь же пролежала дорога, оставшаяся еще с тех времен, когда Стены не было. Ворота явно построили поверх, заранее позаботившись об ее использовании. По этой дороге было легко въезжать и выезжать патрулям, позже она раздваивалась, направляясь вдоль Стены, на север и юг.

И Стена... Возвышающаяся над ними и заслоняющая небо, она побудила Рен открыть от удивления рот. Если смотреть с западного фасада, она была довольно впечатляющей: около пятидесяти футов в высоту, не считая зубцов, и двадцати в глубину. Сложенная из массивных гранитных блоков высотой с саму Рен, каждый из которых могла передвинуть только команда каменщиков. Как правило, мастер не мог использовать свою магию, чтобы поднять предмет тяжелее собственного веса. Это называли законом соотношения, которое не должно было превышать один к одному. Должно быть, потребовалось десять дюжих каменщиков, чтобы поднять каждый валун, а их было тысячи.

Вид с востока был еще более поразительным. Блоки больше не светились тускло-серым в водянистых лучах дневного солнца. Нет, они сияли жемчужно-белым и мощно отзывались в настроенных на магию чувствах Рен.

Кости. Измельченные в костяную пыль, а после сформированные в кирпичи.

Это придавало Стене отполированный, почти элегантный вид. Издалека ее легко можно было принять за мраморную, но чем ближе подходили смотрящие, тем слабее становился этот эффект. Цвет был не таким блестящим, отделка не такой гладкой. От этого у Рен по спине пробежал холодок, а ведь она постоянно имела дело с костями и телами.

– Я была здесь, когда ее строили, – равнодушно сообщила Одиль, останавливаясь рядом со смотрящей на сооружение Рен. – Как только король официально принял решение о демаркации¹ границы и возведении барьера, стройка пошла очень быстро. Десятки каменщиков работали день и ночь. Облицовка костями заняла больше времени, ведь нам пришлось сначала собрать их, растереть в порошок, а затем изготовить из него кирпичи, но все было закончено еще до Восстания. Говорят, потребовалось сто тысяч костей, чтобы создать достаточное количество костяной пыли.

Это число было почти за гранью ее понимания.

– Откуда их взяли?

Любой, убитый нежитью из Пролома, был бы оставлен гнить, поскольку его кости лишались как души, так и магии. Для защиты они были бы бесполезны.

– Мэрроу-Холл опустошил свои запасы. Катакомбы под замком были полны костей, которые они собирали столетиями. Каждый склеп, гроб и мавзолей от Гилмора до Гранитных ворот был вычищен. Конечно, не все кости были привязанными. На такую огромную площадь никогда бы не нашлось достаточного количества. Вместо этого они использовали краеугольные камни, – Одиль указала на кирпич поменьше, установленный среди группы более крупных, –

---

¹ Демаркация – обозначение линии границы на местности посредством установления специальных пограничных знаков.

которые с умом распределили повсюду. Они и служат истинной защитой, в то время как другие просто усиливают их магию.

– Как тело, – задумчиво произнесла Рен. В то время как в привязанной кости содержались душа и самая могущественная магия, каждая соединенная с ней кость разделяла эту силу. Один из учителей говорил Рен, что это похоже на огонь в очаге. Пламя служило источником жара, но окружающие его камни все равно поглощали это тепло.

– В точку. Но Стена – это последнее средство защиты. Первым барьером служит Частокол.

Она сошла с дороги и направилась на восток, в глубь Земель Пролома, где примерно в пятидесяти метрах возвышалась вторая, но технически первая из построенных, стена из костей животных, что, как острые зубы, торчали прямо из земли.

Рен узнала этот тип укреплений. Традиционный метод костоломов, использование которого она видела в городах и деревнях по всем Владениям. Каждая кость, в зависимости от ее размера, обеспечивала определенный радиус защиты. Костоломы, создававшие подобные конструкции, подходили к делу с научной точностью. Каждые десять футов из почвы выступали массивные кости, похожие на грудную клетку, которую Рен видела в Костяном лесу, а кости поменьше использовались для заполнения промежутков между более редкими и гораздо более ценными костями мамонта и кита.

Это было поистине завораживающее зрелище, более первобытное и пугающее, чем изготовленная из камней и костей Стена за ее спиной. Дикий и менее цивилизованный Частокол возвращал к простым временам.

– К сожалению, он недостаточно крепкий, – сообщила Одиль. – Сильные дожди, заморозки и оттепель... Из-за всего этого кости со временем смещаются, а между ними создаются бреши. Вдоль Стены, которая пересекает почти сотню миль дикой местности, невозможно уловить каждый сдвиг. Теперь Частокол скорее похож на сдерживающий фактор, чем на реальный барьер. Более сильная нежить может почувствовать дыры и пройти через них, а призраки пятого уровня... Некоторые из них умудряются даже прикоснуться к Частоколу.

Рен уставилась за барьер, представляя, каково это – увидеть ходячий труп. Сразиться с ним.

– На что они похожи? – спросила она. – Пятерки? Ревенанты?

Одиль склонила голову набок, задумчиво глядя на Рен:

– А твой отец не?..

Рен пожала плечами, пнув лежащий на земле камень:

– Он мало говорит о войне. Обо всем, что ее касается.

Когда она снова подняла глаза, Одиль уже отвела взгляд.

– Я так и думала, – вздохнула она. – Трудно объяснить. Некоторые из них выглядят почти как люди. Нетронутые, передвигающиеся так, как привыкли делать при жизни. С ними иметь дело труднее всего. – Она прочистила горло. – Другие так сильно разложились, что дух просвечивает сквозь кости и едва заметные ошметки плоти. Из-за этого они напоминают марионетки на ниточках. В любом случае наши обычные методы против них не работают. – Одиль протянула руку и постучала Рен по виску: – Если когда-нибудь столкнешься с такими, используй это. И это...

Она опустила руку ниже, и Рен подумала, что женщина указывает на ее грудь.

– Мое сердце?

Одиль закатила глаза, а затем хлопнула Рен по животу тыльной стороной ладони.

– Твое чутье, Рен Грейвен. Прислушайся к своей интуиции. Инстинкты подскажут тебе, что делать, даже если подготовки окажется недостаточно.

После этого экскурсия не продлилась долго. Одиль показала башни, указала на то, как далеко находятся Серебряные ворота, и еще на несколько вещей.

– Вы сказали, если встретишься... – начала Рен, когда они возвращались в Крепость. Вдали можно было видеть удаляющийся патруль, едущий с юга обратно к воротам. – Значит, военных действий здесь больше нет?

Она уже слышала об этом, но хотела узнать из первых рук. Кажется, ее отец верил, что в любой момент все снова может перевернуться с ног на голову, так что Рен хотела выяснить, имела ли почва у его опасений, или же дело было в разыгравшейся паранойе.

– Не такие, как ты себе представляешь. Наши патрули, – Одиль указала на всадников, которые ехали впереди, – с большей вероятностью столкнутся с живыми проблемами, чем с мертвыми.

– А как насчет Одержимых земель?

– Мы не заезжали дальше Частокола вот уже десять лет. А на Одержимые земли со времен Восстания никто не заходил.

С момента последней битвы, когда погиб ее дядя и сотни других людей.

– Ты выглядишь разочарованной, – заметила Одиль. – Когда я вместе с дюжиной других костоломов прибыла в лагерь, который впоследствии стал Крепостью, только половина из нас пережила первую неделю.

Рен потрясенно подняла голову.

Одиль печально кивнула:

– То были времена сразу после Пролома, и патрули обычно посылали в самый центр Одержимых земель. Мы все еще не до конца понимали, что произошло. С чем нам придется иметь дело.

– Просто... – начала Рен, ненавидя собственное нытье, но не в силах совладать с собой. – Он, то есть мой отец, сказал мне следовать правилам, выполнять приказы и проявить себя. Но если мы не будем патрулировать за Частоколом, если со стороны нежити не появится серьезной опасности... У меня ничего не получится.

– Я не говорила, что здесь нет реальной опасности, – заметила Одиль. – Просто мы больше не ходим за Частокол. Как говорится, невежество – это благодать, а командир Дункан только рад сообщить об отсутствии активности на его вахте.

Пока Рен обдумывала эти слова, внутри нее нарастало разочарование.

– Значит, это в любом случае не имеет значения? Даже если за границей и *есть* опасность, я никогда ее не увижу?

– Не обязательно, – осторожно ответила Одиль. – Кроме того, проявить себя можно не только в бою.

– А как еще? – в отчаянии спросила Рен.

Одиль рассмеялась, покачав головой.

– Грейвены, – пробормотала она. – Уверена, тебе еще выпадет шанс, – продолжила женщина с более серьезным выражением на лице. Затем она улыбнулась: – К тому же это мне отчитываться перед твоим отцом. Мы еще сделаем из тебя героя.

– Но... почему? – спросила совершенно ошеломленная Рен. – Почему вы так хотите помочь мне?

Одиль долго смотрела на нее, но то был не оценивающий взгляд отца или холодный анализ бабушки. Одиль смотрела на нее с мягкостью, нежностью и, возможно, даже с примесью грусти.

– Потому что кто-то должен это сделать.

Глава 8

Несмотря на обещание Одиль найти для Рен другие способы проявить себя, первые недели в Крепости прошли в скуке и без намека на появление нежити. Девушка не знала, что Одиль писала ее отцу в своих отчетах, но если она не придумывала историй, полных опасностей и заговоров, рассказы о времяпрепровождении Рен были очень скучными.

И все же она пыталась. Делала, как ей было сказано. Следовала правилам. Выполняла приказы. Приходила на тренировки, никогда не опаздывала на патрулирование и держалась подальше от неприятностей.

И что с того?

Впервые в своей жизни она все делала правильно... но это не имело значения.

Речь ведь шла не о солдатах в разгар битвы, а об охранниках, наблюдающих за границей, которую никто не пересекал.

Это было совсем не похоже на те славные дни, о которых рассказывал сопровождающий ее по пути Ральф. Рен и Одиль были единственными костоломами на постоянной службе в Крепости. Все остальные приезжали по временным контрактам, выполняли работу и отправлялись своим путем. Поэтому Рен выходила на патрулирование каждый день. Хотя девушка полагала, что, найдись где-то поблизости нежить, все равно бы пришлось послать за Одиль, чтобы та закончила работу.

Но нежить так и не находилась.

Не было стычек ни с призраками, ни с обещанными бандитами и налетчиками. Они чаще сталкивались с обычными людьми, живущими к востоку от Стены. Те либо пытались незаметно пересечь границу, либо покупали или продавали контрабанду.

– Некоторые из охранников помогают им, чтобы заработать кое-что в добавку к жалованью, – объяснила Одиль однажды ночью, когда во время патрулирования Рен была вынуждена прогнать группу местных жителей с фургоном, доверху набитым товарами. Женщина находилась в главной мастерской, расставляла банки с костяной пылью и другие принадлежности для мастеров. – Нравится это командиру Дункану или нет.

– Я и не подозревала, что к востоку от Пограничной стены живет так много людей, – призналась Рен, облокачиваясь на стол. – И что у них есть хоть что-то ценное, чтобы продать.

– О, у них много чего есть, – сказала Одиль, не отрываясь от своего занятия. – Целые города раскинулись вдоль побережья. Пусть они не процветают, как когда-то, но, во всяком случае, *выживают*. Как ты уже знаешь, что после возведения Стены сбежали не все. Одержимые земли вокруг Пролома не охватывают и половины региона, который оказался запертым за границей. – Она указала на большую карту, висевшую на стене. На ней были изображены Владения и земли за Пограничной стеной. Вытерев руки о свое длинное платье, Одиль подошла к карте и по очереди ткнула в каждый регион. – Несокрушимые горы, Извилистая река... Эти естественные барьеры удерживают худших представителей нежити на северо-востоке. Прибрежные города, если они изолированы, пребывают в относительной безопасности. Мелководные берега и опасные течения не позволяют кораблям к ним причаливать, да и, учитывая положение вещей, никто и не стал бы пытаться. Местные жители больше страдают от недостатка еды – ее они и выменивают у охранников, – чем от нежити. Хотя та беспокоит их довольно часто. К востоку от Стены, без костоломов, которые способны совершить погребение и похоронные обряды, даже тем, кто мирно умирает во сне, суждено воскреснуть и мучить дорогих им людей. Иногда они приносят сюда тела, чтобы я могла о них позаботиться.

– И вы помогаете? – удивленно спросила Рен.

– Конечно, – ответила Одиль, будто бы защищаясь. – Я – жнец. Это мой долг.

Формально долг Одиль заключался в том, чтобы служить леди Светлане и Дому Костей, которому она поклялась в верности, но Рен понимала ее чувства. Она подошла ближе и встала рядом с женщиной, чтобы рассмотреть карту.

– А они не могут просто перейти на другую сторону? Через ворота, например? Разве король запретил им въезжать?

Одиль вздохнула:

– К сожалению, во время Восстания многие из них поддержали Дом Железа, так что технически они предатели короны. К тому же куда им идти? Жить в лагерях для беженцев? Большинство проживающих здесь богачей уехали сразу после образования Пролома. Другие же остались, потому что *источник* их богатства здесь, на землях, которые на протяжении многих поколений принадлежали их семьям. То же самое и с кузнецами. Их руда спрятана в этих холмах, а Железная крепость на севере – средоточие их власти, где они тренируются и работают. Как им оставить все это? Уверена, что после Восстания они изменились. Думаю, они даже не предполагали, что их род практически истребят.

– Вы были там, верно? – осмелилась спросить Рен. – Участвовали в финальной битве?

Отец прерывал любые разговоры на эту тему, стоило Рен только заикнуться, но девушку мучило любопытство.

– Мне больно это признавать, но да, – сказала Одиль, отводя взгляд. Она посмотрела на мечи Рен, которые та так и не сняла после возвращения из патруля. – Ты затачивала их с тех пор, как приехала сюда?

Рен все равно ими не пользовалась, так что это ее мало волновало.

– Нет.

Движением подбородка Одиль попросила Рен обнажить мечи. Ее взгляд упал на пустые ножны на поясе девушки, – те, в которых раньше хранился Гибель призраков, – но она ничего не сказала.

Порывшись на столе, Одиль нашла пару точильных камней. Пока она затачивала один меч, Рен позаботилась о втором.

– Дом Железа предпринял последнюю и самую лучшую из всех попыток, – сказала Одиль после нескольких мгновений уютной тишины, нарушаемой лишь ровным стуком камня по кости. – Практически каждый оставшийся в живых кузнец собрался с силами и готовился пойти на Стену вместе со всеми, кто еще жил с восточной стороны и был в состоянии держать оружие. Переговоры зашли в тупик. Король отказался рисковать внешней торговлей, которая только-только начала восстанавливаться после Пролома, ради Дома Железа. Видишь ли, кузнецы не хотели, чтобы их спасали. Им нужна была помощь в войне с Проломом, и только. Они отказывались оставлять свои земли нежити, хотели их вернуть. Они запросили нашей поддержки, но король отказался отправлять к ним костоломов. Вот тогда они выступили с оружием в руках, в попытке снести Стену, не заботясь о последствиях.

Рен на мгновение замерла, пока не опомнилась и не продолжила точить меч. Она не хотела привлекать внимание Одиль, иначе жнец не закончила бы рассказ. О том, что произошло почти двадцать лет назад, Рен знала только самое основное: случилась битва, в ходе которой погибли практически все, включая ее дядю, и таким образом Восстание было подавлено.

– Твой отец, Локк и я были частью передового разведывательного отряда. Мы догадывались, что кузнецы готовят атаку, но не знали, где и когда они намерены нанести удар. Стена длинная, на ней не одно уязвимое место. Так что мы с отрядом солдат попытались незаметно подобраться к врагу. Единственным способом это сделать было пересечь Одержимые земли. – Одиль сглотнула. – Так мы и поступили. Нас там уже ждали. Кузнецы, их солдаты... нежить. Но дело было даже не в них. На этих землях живет что-то темное. Что-то злое. Случившееся было настоящей резней. Локк, он... – Она замолчала и, прежде чем продолжить, подняла глаза

к потолку. – Он отдал все, что у него было. Именно благодаря ему я и твой отец выжили. Как тебе уже известно, большинству повезло меньше.

Рен слышала расплывчатые рассказы о храбрости и героизме Локка. Как он возглавлял атаку, рубил нежить, чтобы защитить своих воинов. Они были в меньшинстве, три к одному, но костоломы были способны сдерживать нежить, защищая при этом свои собственные силы. Кузнецы такими талантами не обладали. Внезапно ситуация изменилась, и, хотя многие части Владений действительно пали перед натиском ревенантов, костоломы все же смогли выиграть битву.

– Должно быть, это было ужасно, – сказала Рен, пытаясь представить столь масштабную битву с нежитью. Битву с живыми.

– Нас как будто разорвали надвое, – ответила Одиль едва слышным шепотом. – Пусть я и костолом, но город, в котором я родилась, находится на самом краю Одержимых земель.

– Вы родились на Землях Пролома? – удивленно спросила Рен.

– Ну, тогда они еще такими не были. Раньше их называли Железными землями. Но да, я родилась там.

– Вы родились в семье кузнецов?

Способности мастеров обычно передавались из поколения в поколение, но когда речь шла о смешении кровей, одна способность становилась доминирующей, а другая – более слабой. Предсказать, какая именно проявится наиболее сильно, было невозможно, а ослабевшие таланты могли запросто проявиться в последующих поколениях. Именно поэтому большинство браков в домах тщательно контролировались, чтобы гарантировать сохранение их магии. К счастью, Рен была костоломом, иначе бабушка, скорее всего, вообще отказалась бы ее признавать.

– Нет, но мой отец и старшие братья работали на шахтах.

У Рен скрутило живот.

– Неужели они?..

– Погибли, когда образовался Пролом? Да.

– Мне так жаль, – тихо произнесла Рен.

Одиль отмахнулась от девушки, но взгляд ее стал отстраненным. Почти холодным.

– Теперь я даже не уверена, что это имеет значение. Не погибли они во время первого вторжения, несомненно, приняли бы участие в сражении и погибли бы во время Восстания. Возможно, мне повезло, потому что не пришлось столкнуться с ними лицом к лицу, когда я сражалась на другой стороне.

В мастерской воцарилась тишина. Одиль опустила глаза и протянула Рен заточенный клинок.

Внезапно мечты о славе, о том, чтобы проявить себя, показались девушке мелкими и низменными.

Напряженную тишину прервал прибывший посыльный. В руках он держал сложенное письмо, помеченное печатью Крепости.

– Должно быть, это от командира Дункана, – сказала Одиль, забирая послание и отпуская мальчишку. Женщина сломала печать по дороге в свой кабинет, и Рен последовала за ней. Когда Одиль уселась за стол, Рен опустилась на свое обычное место напротив. Яркий горящий огонь прогонял часть холода, который стоял в мастерской.

Одиль пробежалась взглядом по написанному. Выражение ее лица было мрачным... или, может, оно просто оставалось мрачным после разговора о войне. На мгновение женщина прикрыла глаза, будто бы собираясь с духом или успокаивая разбушевавшиеся эмоции, а затем положила письмо на стол и усмехнулась:

– Думаю, тебе наконец-то выпал шанс.

– Чтобы проявить себя? – с нетерпением спросила Рен. – Значит ли это, что вы не пели мне дифирамбы в каждом своем отчете?

Как она и надеялась, улыбка Одиль стала шире.

– Да сам Могильщик покажется простаком по сравнению с теми историями, которые я о тебе рассказывала.

Все еще улыбаясь, женщина протянула Рен письмо. Взяв его в руки, девушка торопливо просмотрела написанное.

– Визит члена королевской семьи?

Одиль кивнула:

– Третий принц, Леопольд, почтит нас своим присутствием и истощит наши скудные ресурсы, прежде чем продолжить свое грандиозное турне по Владениям. Намечаются встречи. Ужины. Проверки.

– Крепости?

– И ее обороноспособности.

Рен нахмурилась:

– Думаете, я смогу впечатлить его? Самого принца?

Одиль склонила голову набок:

– Есть идеи получше?

Приходил ли ей на ум кто-то, кроме ее отца? Нет и нет, лучшей идеи Рен предложить не могла.

– Но как?

– Предоставь это мне.

Глава 9

В последующие дни настроение Одиль колебалось между обычной присущей ей иронией и грустной отстраненностью. Рен винила себя за то, что спросила о Восстании и пробудила болезненные воспоминания. Что бы Одиль ни думала о Вэнсе, Локк был *ее* валькирией. Судя по тому, как смягчался ее голос и каким отстраненным становился ее взгляд, всякий раз, когда она говорила о Локке, потеря стала для Одиль ударом. Не считая его и членов своей семьи, кто знает, скольких еще она оплакивала.

Несмотря на не очень хорошее расположение духа, Одиль осталась верна своему слову. Она посвящала Рен в детали предстоящего визита принца и проследила за тем, чтобы девушка должным образом ознакомилась с историей королевской семьи.

– Последним родом мастеров, что пополнили ряды знати, были Грейвены из Дома Костей. Конечно, все благодаря той важной роли, которую костоломы сыграли в защите Владений во время образования Пролома. Восстание кузнецов только укрепило наше положение, хотя теперь, когда обе угрозы ослабли, у нас намного меньше влияния. Кажется, чем мрачнее участь, нависшая над Владениями, тем ярче сияет Дом Костей, – сказала Одиль с уже знакомой ухмылкой. – Кстати, об угрозах, именно Найты из Дома Железа первыми получили благородный статус.

Рен это было хорошо известно. Валорианцы, пришельцы из других миров, из-за богатого торгового потенциала Владений решили завоевать их. Они обратились к кузнецам и пообещали тем земли, титул и множество других преимуществ, если только они присягнут на верность своему будущему королю и помогут захватить власть. На поле боя не было никого опаснее кузнецов, и не существовало оружия столь же прочного, как металл. Немногие осмеливались противостоять могущественным валорианцам и их Железному легиону. Остальные же местные лорды и короли маленьких государств один за другим сдались или пали от их железных клинков.

– Это был знаковый шаг, – продолжила Одиль. Она читала свою лекцию, закинув ноги на стол, со стаканчиком алки в руке, что сделало ее самым нетрадиционным учителем, который когда-либо был у Рен. – Это помогло валорианцам закрепить свое место на троне и сформировать современные Владения. Настал черед Дома Серебра. Звание его представителям дали после того, как они положили конец эпидемии холеры, поразившей несколько крупных прибрежных городов, включая Морской порт «Доблесть». Если верить слухам, серебряники не только спасли столицу от разорения, но и сохранили жизнь королеве. В скором времени целители появились в каждом городе. Но Вэйны из Дома Золота превзошли всех остальных и первыми вошли в королевскую семью. Обзавелись *высшим* статусом.

Рен подумала об отце, который не смог сделать то же самое для собственного дома.

– Дед короля Августа, король Гай, решил выдать свою дочь замуж за ювелира. Конечно же, не из-за их магии, а из-за их богатства. Дом Золота всегда славился своим состоянием благодаря процветающим монетным дворам и здоровой внешней торговле, но никого богаче Вэйнов не было. Они могли купить все, что пожелают, так что в скором времени и сами нацелились бы на трон. Корона едва не разорила себя, отбиваясь от Рейланда, так что свадьба показалась более простым решением. Сначала король возвел семью Вэйн в ранг знати – чтобы не возникло вопросов о том, достоин ли жених, – а затем выдал замуж свою дочь и наследницу Эммелин за могущественного ювелира Генри, старшего сына семьи Вэйн. В результате в королевской семье нет-нет да рождается ювелир. Сначала две сестры короля, а теперь...

– Принц Леопольд, – догадалась Рен.

– В яблочко, – кивнула Одиль. – Золотой принц. По всеобщему признанию, он умен, красив и пресыщен жизнью.

– Как раз как я люблю, – пробормотала Рен, прежде чем сумела себя остановить. Одиль залилась лающим смехом.

– Действительно. Но, несмотря на все это, он обладает определенным влиянием. – Она посмотрела на свою опустевшую кружку и снова помрачнела: – Возможно, он сможет тебе помочь.

Рен кивнула, хотя и не очень в это верила.

– Если ничего не выйдет, по крайней мере, у меня останетесь вы, – улыбнулась девушка, и Одиль тут же ответила ей тем же. Затем женщина резко вскочила на ноги.

– О, на сегодня все? – спросила Рен, тоже поднявшись.

– Не совсем. Следуй за мной.

Когда они вышли из расположенного в подвале храма, Рен подумала, что Одиль поведет ее к воротам, но женщина коротко свистнула и направилась в противоположном направлении, к подвалу на другой стороне башни. Было поздно, и в затихшей Крепости их шаги отдавались эхом.

– Я раньше здесь не была, – заметила Рен, когда они начали спускаться.

– Потому что этот проход ведет в подземелья, – ответила Одиль, направляясь вниз по каменной лестнице, которую время от времени освещали мерцающие факелы.

Рен растерялась. С чего бы Одиль вести ее в подземелье?

Лестница спиралью уходила в темноту, пока наконец они не оказались в месте, предназначенном для пленников.

– Есть три уровня, – объяснила Одиль. – Верхний уровень предназначен для важных заключенных. Офицеры, дворяне, то есть люди с достатком и положением в обществе. Их определяют в удобные камеры с жаровней, мебелью и другими составляющими комфорта. Второй уровень предназначен для более опасных пленников. Вражеские солдаты. Налетчики. Мастера.

На следующем уровне коридор выглядел менее приятно, чем предыдущий, в котором все еще сохранились такие атрибуты верхних этажей, как ковры и окна. Перед ними простиралось темное холодное и продуваемое сквозняками каменное помещение. Как и этажом выше, здесь тоже не было ни охранников, ни заключенных.

К удивлению Рен, они уже добрались до конца лестницы. Разве Одиль не упоминала о *трех* уровнях?

Но женщина лишь слабо улыбнулась и скрылась за поворотом винтовой лестницы, будто ожидая, что пройдет прямо сквозь кирпичную стену.

Только то была не стена. Когда Рен последовала за Одиль, она увидела вделанный в поверхность замок.

Замок, изготовленный из кости.

Из-за пазухи Одиль достала болтающийся на цепочке ключ, тоже явно костяной, и вставила его в скважину. Послышалось два щелчка, прежде чем дверь открылась, обдав их струей холодного воздуха.

Подобный прием был довольно распространен среди мастеров. Они изготавливали ключ, который требовал двух поворотов – один рукой, а другой внутри замка, с помощью магии.

Собравшись с духом, Рен по просьбе Одиль сняла факел с кронштейна рядом с дверью и спустилась еще на один лестничный пролет. С каждым шагом становилось все холоднее, а факел был единственным источником света, освещавшим их путь. Когда ступеньки наконец закончились, она увидела огромную, раскинувшуюся во все стороны пещеру, раза в три больше, чем те уровни подземелья, что остались над ними.

Вот тогда-то Рен и поняла, что они находились под Пограничной стеной. Девушка почувствовала гнетущую тяжесть магии и увидела, что здесь тоже имелись камеры для заключенных. Пусть они, как и все остальные, оказались пустыми, Одиль не нужно было говорить, каких именно заключенных в них держали.

– Для нежити, – тихо сказала девушка, указывая на ряд камер, огражденных костяными решетками, чьи формы отбрасывали танцующие в свете факелов тени.

Рен слышала истории о том, как в первые годы после Пролома изучали новый, более могущественный вид нежити. Как ставили на нем эксперименты. Как пытались понять его. Именно благодаря этому у мастеров появилась шкала нежити и прочие знания о ходячих трупах, восставших из Пролома.

Однако камеры занимали лишь небольшую часть пространства. Вдоль дальней стены были расставлены кровати, на которых стояли подносы с инструментами и корзины с постельным бельем. Ее взгляд упал на окровавленные тряпки, и она задумалась, лечили ли здесь людей во время войны... и если так, почему этих людей не доставили в лазарет, расположенный выше. Возможно, лазарет был переполнен или что-то в этом роде?

За кроватями располагалось похожее на склад помещение. Там стояли бочки с вином, опечатанные знаком Рек-Близнецов, знаменитой винодельни к востоку от Стены, которая после Пролома была вынуждена закрыться. Там же лежали корзины с шерстью от прибрежных стад Хаймора, ящики с мехом лис, что водились в Несокрушимых горах, и керамические банки с вареньем из огненных ягод.

Столь желанные предметы, которые, как утверждалось, было невозможно достать к западу от Пограничной стены.

Там же лежали и другие вещи: серебряные инструменты, золотые безделушки и даже несколько костяных талисманов, предназначенных для защиты от нежити.

Когда Одиль шагнула в центр пещеры, Рен последовала за ней и подняла повыше факел, чтобы лучше оценить размеры данного места.

– Кажется, не только охранники помогают здешним жителям вести торговлю?

– Все верно, не только они. – Одиль как будто чего-то ждала. Чего же, осуждения? Учитывая то, что она рассказала о своей семье, живущей к востоку от Стены, тот факт, что она всеми доступными способами пыталась помочь старым друзьям и соседям, казался вполне логичным. Да судя по сваленным вокруг вещам, Одиль в одиночку поддерживала всю их экономику.

– Командир Дункан знает об этом?

– Думаю, он предпочитает *не* знать ни о том, что происходило здесь в прошлом, ни о том, что может произойти в будущем. Конечно, он подозревает, что я совершаю сделки на черном рынке, но, как и большая часть гарнизона, он извлекает из этого выгоду. Им все равно, как я доставляю свежее вино из Картезианской долины, только то, что оно обходится дешевле, чем если бы было импортировано из Мальтека или Андолезии. Но есть кое-что еще, что циркулирует под Стеной и может им не понравиться.

Рен снова посмотрела на больничные койки, на пакеты с яблоками, соленой рыбой и зерном.

– Вы имеете в виду людей?

– Люди, предметы... информация, – склонила голову Одиль. – Важно не терять связь с тем, что происходит к востоку от Стены, поэтому я стараюсь быть в курсе всех слухов и сплетен.

– Каких, например? – с любопытством спросила Рен.

– Не все из них стоит повторять, но, учитывая свободно разгуливающую по землям нежить, ты уже можешь примерно представить их содержание. Что-то из услышанного кажется чепухой, а что-то пугает и интригует. Я предпочитаю держать большую часть информации при себе до тех пор, пока не отличу факты от вымысла.

– Так вы, получается, выполняете роль привратника?

– Можно сказать и так. Информацию контролировать сложно, но все остальное... У меня хранится единственный ключ от замка, который могу открыть только я. Ну а теперь еще и ты.

Рен сосредоточила свое внимание на Одиль.

– Почему вы показываете мне все это?

Женщина пожала плечами. Жест получился бы беспечным, если бы не напряжение в плечах.

– Если со мной что-нибудь случится, важно, чтобы об этом месте знал хоть кто-то еще. К тому же теперь тебе известен еще один способ выбраться из Крепости. На всякий случай.

Рен нахмурилась, но кивнула. Ее одолевало ощущение, что она что-то упускает, но девушка боялась, что от дополнительных вопросов Одиль снова замкнется.

– Предполагалось, что я буду держаться *подальше* от неприятностей, – сказала она вместо этого, пытаясь разрядить обстановку.

Выражение лица Одиль осталось серьезным.

– Иногда неприятности сами находят нас, независимо от того, ищем мы их или нет.

Наконец, после нескольких недель ожидания, его высочество принц удостоил Крепость своим визитом. Возбуждение бурлило в венах возвращающейся из патруля Рен.

Закат отбрасывал темные тени, когда они проходили под воротами.

Рен никогда раньше не встречала принца из-за многолетних интенсивных тренировок и того факта, что валорианцы редко приезжали на север, в Мэрроу-Холл. В последний раз они нанесли визит после Восстания, чтобы отдать честь ее дяде Локку, но Рен тогда была совсем маленькой. Как правило, ее отец и бабушка сами отправлялись к королевской семье, в Морской порт «Доблесть». Шансы что-то доказать надутому, избалованному принцу действительно были невелики, но его приезд оказался самым интересным событием из всего, что произошло с тех пор, как она обосновалась в Крепости.

– Вы опоздали, – рявкнул управляющий, который бросился к патрулю, едва они успели спешиться. – Приведите себя в порядок. Мы немедленно направимся в обеденный зал.

Охранники как могли начали одергивать и расправлять свою униформу. Рен, в общем-то, не испачкалась, но она все еще была вооружена и облачена в броню, а ее глаза и губы были подведены черным. В конце концов, она выглядела вполне соответствующе для костолома. А вот облачась она в платье жнеца, оставила бы о Доме Костей только худшее впечатление.

Управляющий подтолкнул их ко входу для прислуги, который вел в обеденный зал. Ему явно хотелось, чтобы опоздавшие прокрались незамеченными, но когда Рен двинулась за остальными, мужчина остановил ее.

– Тебе приберегли место за главным столом, – сообщил он, размахивая у нее перед носом каким-то письмом. Рен показалось, что в самом низу она заметила остроконечную подпись Одиль. – Командир должен продемонстрировать принцу все наши возможности. Для этого ему требуется по представителю от каждого подразделения обороны, а Одиль так некстати заболела. Поскольку ты – единственный оставшийся костолом, тебе придется занять ее место.

Заболела? Одиль выглядела совершенно нормально в то утро, когда сообщила Рен дату прибытия принца.

Пыталась ли она таким способом дать Рен шанс сблизиться с членом королевской семьи? Шанс проявить себя?

– Э-э... хорошо, – сказала Рен, расправляя плечи. Она вполне могла с этим справиться – кланяться, кивать и отвечать на вопросы о какой-никакой обороне Крепости.

– Готова? – надавил управляющий, жестом приказывая открыть для нее главные двери.

Прежде чем Рен успела ответить, он схватил ее за руку и решительно повел по главному проходу к возвышению в задней части зала.

Столы вымыли, каменные плиты отполировали, стены протерли, а с гобеленов сбили пыль.

И под этими самыми гобеленами сидел принц.

Он выглядел как самый настоящий член королевской семьи, одетый в дорогой черный бархат и блестящие кожаные сапоги, а его голову украшал изящный плетеный венец.

Но в то же время он был похож и на ювелира.

Нитки на пиджаке, кольца на пальцах... Даже глаза принца были золотистыми, как у кошки, и они весело блеснули при приближении Рен.

Управляющий поклонился Леопольду, прежде чем прошептать что-то на ухо командиру Дункану.

На его лице, озаренном фальшивой, полной удовольствия улыбкой, промелькнула тревога. Очевидно, он только что узнал об отсутствии Одиль. По обе стороны от него сидели представители свиты принца и старшие члены командующего штаба – люди, прослужившие в Крепости не менее десяти лет. Среди них был и серебряник, который заведовал лазаретом, и каменщик, следивший за ремонтом, и капитан стражи.

И она, Рен, служившая здесь всего месяц... Но другого варианта не было.

Командир Дункан отмахнулся от управляющего и вздохнул, чтобы взять себя в руки.

– Ваше высочество, последний из наших, э-э, представителей вернулся, – объявил он. – Принц-мастер Леопольд Валориан из Дома Золота, позвольте представить леди Рен Грейвен из Дома Костей.

Рен знала, как кланяться, поскольку отец позаботился избавить дочь от еще одного недостатка, за который бабушка могла бы возненавидеть ее. Однако когда она выпрямилась, то заметила, что взгляд принца задержался на ней.

Отчеты не лгали – он и правда был хорош собой: с ореолом карамельных кудрей, полными губами и гладкой оливковой кожей. Принц казался таким безупречным, что Рен боялась прикоснуться к нему, опасаясь помять его одежду или взъерошить волосы. А может, это было бы и забавно...

Нет. Рен следовала правилам. Выполняла приказы и доказывала... что-то там...

– Это Гален Валориан, ответственный за поездку принца, – добавил командир Дункан, указывая на молодого человека по другую сторону от Леопольда.

Рен коротко поклонилась. Командир жестом пригласил ее занять отведенный для Одиль пустой стул в конце высокого стола. Однако, прежде чем девушка успела пошевелиться, принц поднял изящную руку, чтобы остановить ее.

– Рен... – сказал он, осмотрев ее ленивым взглядом с головы до ног. – Необычное имя для костолома.

– Так и есть, ваше высочество, – согласилась Рен, удивленная тем, что это сияющее видение знает хоть что-то об обычаях ее дома. Для костоломов быть² названным в честь животного считалось глупым и банальным. – Так перед смертью меня назвала мать.

Рен захотелось пнуть саму себя. Три секунды разговора, а она уже упомянула женщину, из-за которой ее отец отверг тетушку принца.

Глаза принца блестели от сдерживаемого веселья, будто он видел панику, промелькнувшую на ее лице, и находил это забавным.

– Я знаком с вашим отцом, – сказал он ровным голосом, в котором не слышалось упрека. – Он часто посещает столицу. Не уверен, что могу разглядеть фамильное сходство... За исключением глаз, конечно же. – Рен моргнула, не совсем понимая, к чему ведет этот разговор. – Несмотря на все истории, что о нем ходят, он не отличается веселым нравом... – Принц помолчал. – А вы? В вас есть веселость?

Намек на улыбку тронул губы девушки, но она придала своему лицу серьезное выражение.

– Веселости мне не занимать, ваше высочество, иначе я не была бы здесь.

Он просиял от восторга, показав ослепительно-белые зубы. Но из-за улыбки принц наморщил тонкий нос, отчего стал выглядеть менее совершенным и более человечным.

– Могу сказать о себе то же самое, – ответил он, все еще ухмыляясь. Рен почувствовала в этом человеке родственную душу.

Командир Дункан в замешательстве переводил взгляд с девушки на принца, в то время как Гален неодобрительно поджал губы.

Однако теперь, когда принц Леопольд замолчал, командир снова попытался усадить Рен на место.

– Вы подвели глаза, – заметил принц, прежде чем ее успели увести. – Я думал, это необходимо только для того, чтобы приглушить сияние? – Он постучал пальцем по губам, намекая на тот факт, что губы Рен тоже были черными. – А это зачем?

Рен изучала его: осмотрела, как золотистые ресницы обрамляли глаза, как скулы, казалось, светились каким-то невидимым светом, а волосы блестели, как вода на солнце. Элегантно и, конечно, более умело, чем получилось у Рен, но все же не настолько незаметно.

– А какой цели служит ваш макияж, ваше высочество?

Принц ухмыльнулся без тени смущения, отчего на его щеке появилась ямочка.

– Очевидно, макияж помогает мне хорошо выглядеть.

Рен наклонила голову:

– *Могу сказать о себе то же самое.*

В этот момент прибыла толпа слуг с огромными тарелками на широких подносах, и Рен была вынуждена освободить место перед возвышением. Принц еще раз поймал ее взгляд, когда она занимала свое место, но затем начался пир, и его вниманием завладели слуги.

Рен же сидела в конце стола и улыбалась сама себе.

Возможно, впечатлить принца оказалось не так уж сложно.

---

² Имя главной героини Рен (с *англ.* Wren) переводится как «крапивник» – мелкая птица, обитающая в Америке, Евразии и Северной Африке. Внешне похожа на мягкий пушистый шарик с поднятым торчком коротким хвостиком. Птица очень подвижная, с необычно громким голосом.

В честь приезда важных гостей вынесли бочки с вином. Лучшее подавалось к главному столу, но даже стражникам и «провинившимся» разрешалось выпить по чашке менее удачного урожая. Рен заколебалась, глядя на свой бокал и пытаясь решить, насколько готова искушать судьбу. Открыто флиртовать с принцем на глазах у всей Крепости – это одно, но добавлять во все это еще и алкоголь – совсем другое. Это было чревато опасностью.

Уставившись на насыщенно-красное содержимое своего бокала, девушка заметила, что принц наблюдает за ней с другого конца стола. Он отсалютовал ей бокалом, и Рен подняла свой.

Ну что может случиться от одного стакана?

У нее не было возможности снова поговорить с принцем, но само его присутствие стало светлым пятном во тьме ее жизни... и разрешением выпить столько вина, чтобы щеки покраснелись, а язык развязался, позволяя смеяться и вести беседы с соседями по столу. Они, казалось, удивлялись ее энергичности, сама же Рен чувствовала себя так, словно за последние пару часов ожила. И винить во всем только алкоголь она не могла. Чувство, охватившее ее впервые за последние недели, было *надеждой*.

Или, возможно, то было просто отсутствие отчаяния.

Когда пир подошел к концу, принц встал, пожелал всем спокойной ночи и отправился в свои покои.

Смотря ему вслед, Рен гадала, когда еще им выпадет возможность поговорить. Если Одиль продолжит притворяться больной, тогда, возможно, Рен снова окажется в его компании.

С уходом принца остальные обитатели Крепости последовали его примеру – у многих были запланированы ранние патрули или ночные дежурства.

Рен тоже поднялась в свою комнату, которую делила с серебряником Сабиной, прибывшей в Крепость вместе с ней. У них было не так уж много общего, а из-за различных смен и обязанностей они пересекались очень редко.

Даже сейчас, когда Рен села на свою нижнюю койку и начала стаскивать ботинки, Сабина уже спала на верхнем ярусе. Не любительница выпить, она, скорее всего, рано выскользнула из обеденного зала.

Рен как раз отбросила ботинки в сторону, когда неожиданный звук заставил ее вскочить на ноги. Шум исходил от окна.

– Ч-что это было? – пробормотала Сабина, привставая. Ее лицо было скрыто черными волосами.

Рен распахнула ставни, впустив в комнату порыв холодного воздуха. Она осмотрела двор, затем подняла взгляд вверх, на зубчатые стены, прежде чем громкий вдох не побудил ее немедленно опустить голову.

Там, уцепившись в ее подоконник, висел принц Леопольд.

– Могильщик тебя хорони, – выругалась Рен и схватила наследника королевской семьи за запястье, чтобы помочь тому подняться. Технически ее комната находилась на втором этаже, но учитывая неровный грунт, она была расположена намного выше. Подобный трюк не грозил *смертельным* падением, но и мягким приземлением тоже. Как бы то ни было, она не хотела испытывать судьбу, еще и после скольких бокалов, что принц выпил за ужином.

– Что за... – начала Сабина, прежде чем Рен успела перетащить принца через выступ на холодный каменный пол.

– Уф, а ты довольно сильная, – пробормотал он, лежа на полу и улыбаясь Рен. Принц оказался гораздо пьянее, чем Рен предполагала, а золотая фляжка, которую он вытащил из нагрудного кармана, доказывала, что пир продолжался даже после того, как он покинул обеденный зал.

– Целители и врачеватели, – пробормотала Сабина. – Это что, *принц*? – Она бросила на Рен подозрительный взгляд своих серебристых глаз. – Ты пригласила его сюда?

Жаль, что ей не пришла в голову такая идея, но все же она не приглашала Леопольда к себе в комнату.

– Нет, – ответила Рен в тот же самый момент, когда он сказал:

– Более или менее.

– Прошу прощения? – бросила Рен, глядя на него сверху вниз и скрестив руки на груди. Принц поднял ладони вверх в знак капитуляции, расплескав при этом содержимое своей фляжки. Рен пришлось выхватить золотую вещицу. Она принялась, едва подавила рвотный позыв, но все равно решила сделать глоток. Хмель от вина, выпитого за ужином, давным-давно прошел.

– Я здесь не для этого, – заверил их принц, хотя Рен в любом случае не думала, что в таком состоянии он способен сделать что-то даже отдаленно похожее на *это*. – Я просто хотел немного поразвлечься и знал, что ты довольно забавный парень. – Он икнул. – То есть девушка.

– Только не убивай его, – сказала Сабина, переворачиваясь на другой бок и накрывая голову подушкой.

Принц довольно вяло потянулся за своей фляжкой, но в итоге привалился к стене.

– Можно мне, пожалуйста, получить свой напиток обратно? – спросил Леопольд, сооротив щенячьи глазки. – У меня пересохло в горле.

Рен сделала еще глоток, держа фляжку так, чтобы принц не смог до нее дотянуться.

– У вас же полдюжины слуг и личная охрана... Как вам удалось улизнуть, ваше высочество?

Принц угрюмо пожал плечами:

– Пожалуйста, давай без любезностей. Сейчас нерабочее время, и я в твоей спальне. Зови меня просто Лео. Что касается моего почетного караула, то они заперли меня в моей комнате – в последнее время, к сожалению, они находят это необходимым. Так что я вылез из окна.

– Очень предприимчиво с вашей стороны. И что теперь? Наверняка вас будут искать, а когда не найдут, неприятности будут у меня.

Он вздохнул, провел рукой по лицу, размазав золотистую краску и взъерошив волосы.

– Охранники меня любят... они не станут беспокоить меня до самого утра. *Он* вот, наоборот... – Принц повернул голову и, прищурившись, посмотрел на все еще открытое окно. Рен проследила за его взглядом и увидела вдалеке командирскую башню и ярко светящийся в темноте зал совета. – Зайдет проверить, как только закончит.

Он явно имел в виду не командира Дункана.

– О ком ты?

– Мой дрессировщик, Гален. Неутомимый карьерист, дальний родственник и самонадеянный петух.

Рен фыркнула и протянула принцу фляжку, которую тот с благодарностью принял. Пока он пил, Рен выглянула в окно.

– Если командир Дункан ищет, чью задницу поцеловать, то ради этого выложится по полной. Он засиживается за работой, даже когда один, но в компании того, на кого нужно произвести впечатление, да еще и с вином, что льется рекой... – Девушка посмотрела на принца и ухмыльнулась: – У тебя в запасе как минимум пара часов.

Принц оживился и поиграл бровями:

– Пара часов, говоришь. И чем мы займемся?

– Даже не думайте, – заявила Сабина из-под подушки.

Рен протянула руку и помогла принцу подняться на ноги. Он держался на удивление уверенно, хотя и оказался ниже, чем она ожидала. Рен была выше Леопольда на дюйм или около того.

– Пойдем, – сказала она, направляясь к двери. – У меня есть идея.

Глава 10

Они держались в тени, чтобы избежать встречи со стражниками, и взобрались на крепостные стены, с которых открывался широкий обзор местности. Но у нее на уме было кое-что получше. Поскольку принц уже продемонстрировал свои способности в скалолазании, Рен отвела его на самую высокую башню Крепости. Там они поднялись по шаткой лестнице, перелезли через зубчатые стены и оказались на маленькой круглой платформе рядом с флагштоками, где на ветру развевался вымпел Крепости.

Зубчатые стены делали холод более терпимым и открывали потрясающий вид на многие мили во всех направлениях. К тому же отсюда можно было наблюдать за башней командира Дункана.

– Впечатляет, – сказал Лео, высовываясь через щель между зубцами и осматривая все вокруг. – Отсюда видно Пролом?

– Нет, – со вздохом ответила Рен. – К сожалению, с момента прибытия я не видела даже проблеска призрачного света.

– Никаких признаков нежити... действительно печально, – поддразнил принц. Холодный воздух, казалось, слегка отрезвил его, остудив покрасневшие щеки и придав блеска глазам. – Так ты фанатик? Прославляешь доброе дело Могильщика?

– Что ты знаешь о Могильщике? – с сомнением спросила Рен. Даже после всего, что Дом Костей сделал для обеспечения безопасности Владений, большинство все так же относилось к костоломам с настороженностью, порожденной религиозными предрассудками.

Лео выглядел оскорбленным.

– Я же принц, – сказал он. – Я *все* знаю.

– Да что ты? – отозвалась Рен, ухмыляясь.

– Могильщик – первый признанный мастер в истории Владений, – изрек Лео, принимая вызов. – Вероятно, до него существовали и другие, но ни одна цивилизация не смогла по-настоящему укорениться здесь, на Земле магии, пока не нашли способ справиться с восставшими мертвецами.

– Я думала, речь шла о Земле падающих звезд? – надавила Рен в попытке подловить его. По мнению большинства людей, магия появлялась из падающих с неба звезд. Насколько Рен было известно, ни в одной другой стране подобного не существовало, и уж точно не в такой форме. Она слышала о предсказателях Селнори и травяных ведьмах Рай, но ничего похожего на то, что имелось у них во Владениях.

– Все зависит от того, с кем ты разговариваешь, – без запинки ответил Лео. – Мальтеки называли это место Землей магии, а андолезцы – Землей звезд. Первые поселенцы, в те времена, когда все вокруг обладали магией, прозвали это место Землей мастеров, но теперь, благодаря моим амбициозным предкам, оно называется Новые владения – в честь государства, которого больше не существует.

Валорианцы происходили из страны под названием Северные владения, но из-за гражданской войны она раскололась на несколько более мелких государств. Пусть их страна получила официальное название Новые владения, но почти каждый звал ее просто – Владения.

– Я впечатлена, – признала Рен. История никогда не была ее любимым предметом, но, несмотря на свое озорство, Лео явно был более прилежным учеником, чем хотел показать.

От ее похвалы принц просиял и склонил голову в знак благодарности, а после снова огляделся.

– Как давно ты сюда приехала?

– Чуть больше месяца назад.

– И тебе здесь нравится?

– Нет, – решительно заявила Рен. – Я умираю со скуки. Я хороша только в борьбе с призраками, а их здесь, как я уже сказала, нет.

– О чем о чем, а вот о скуке я знаю не понаслышке.

Рен отвернулась от открывающегося вида, прислонилась спиной к стене и посмотрела на принца:

– Разве быть принцем не мечта каждого?

– О, в этом есть своя прелесть, – признал Лео. – Но в то время, как у первого и второго сыновей обязанности идут в дополнение к обычным мелочам...

– Вроде денег и власти? – криво усмехнулась Рен.

– Именно так, – сказал Лео, даже не смутившись. – Третьему сыну, напротив, часто нечем заняться. Вот и выходит, что есть наследник, его замена, затем я, а после дочь – всеобщая любимица, стоит заметить.

– Значит, ты второй на замену.

– Замена замены.

Рен рассмеялась:

– Но ты же единственный ювелир в семье? Это чего-то да стоит.

– Помимо дополнительного звания в моем официальном титуле, которое люди редко утруждают себя произносить? Не особо. Вообще-то мне не позволяют использовать свои способности. Тебе наверняка известно, Рен Грейвен, что принцы не работают... даже принцы-мастера, – сказал он с ухмылкой. – Как только я закончу свое образование... – Лео пожал плечами. – Никаких ожиданий. Никакой ответственности. Поэтому я здесь. Крепость – одна из дюжины остановок, которые я совершил за последние несколько недель экскурсий и инспекций. Что угодно, лишь бы меня занять.

– И побудить хорошо себя вести? – спросила Рен.

– В основном, чтобы побудить хорошо себя вести, – поправил он, поднимая свою фляжку.

– Звучит так, будто тебе легко живется, – заметила Рен, хотя подозревала, что это совсем не так. Рен знала, каково это, когда люди ожидают от тебя худшего. Она умела и играть на этом восприятии, и противиться ему. Половина всех ее глупостей была совершена для того, чтобы привлечь к себе внимание. Она хотела, чтобы ее поймали, увидели, чтобы о ней говорили, чтобы ее помнили.

Она всегда считала, что хоть какое-то внимание лучше, чем никакого. Пусть люди ожидают от нее худшего, чем не ожидают совсем ничего.

С другой стороны, именно из-за такого поведения она оказалась в Крепости.

– Да, живу я действительно легко, – согласился Лео, запрокидывая голову, чтобы посмотреть на звезды. – Легко и незаметно.

– Могло быть и хуже, – попыталась подбодрить его Рен. – Например, ты мог бы провалить испытание, к которому готовился всю жизнь. Тебя могли бы разлучить с семьей и отослать прочь.

Лео снова сосредоточил на ней все свое внимание. Выражение его лица было серьезным.

– Что за идиоты изгнали тебя?

Его тон был недоверчивым, как будто сама мысль об этом была за гранью его понимания. Словно за несколько часов их знакомства он осознал ценность Рен лучше, чем члены ее семьи.

– Мои родственники, – со вздохом сказала Рен.

– Ах, да это же худший вид идиотов, – кивнул Лео. – По себе знаю.

Рен рассмеялась, и принц протянул ей фляжку.

– За худший вид идиотов, – сказала она и приподняла сосуд, прежде чем глотнуть обжигающей жидкости.

– И за новых друзей, – добавил он и, забрав фляжку, одним махом допил ее содержимое.

Вскоре после этого в комнате для совещаний командира Дункана погас свет, и Рен, и Лео были вынуждены покинуть свой насест. Как оказалось, Лео не столько вылез из окна, сколько выпал из него, а из-за позднего часа и выпитого алкоголя он больше не был в состоянии преодолеть расстояние в два этажа без посторонней помощи.

И, к сожалению, помогать пришлось Рен, которая стояла под его окном, в то время как принц взгромоздился ей на плечи. Пока Лео тянулся и карабкался, он умудрился пнуть девушку по голове и ударить ее в ключицу. К счастью, ему наконец удалось ухватиться за подоконник и подтянуться.

Оказавшись в комнате, Лео высунулся в окно, помахал Рен и снова скрылся внутри.

Улыбаясь, девушка направилась к себе... но предпочла подняться по лестнице.

Рассвет следующего дня выдался отвратительно ярким, звон, возвещавший о перемене, звучал невероятно громко, да и, как показалось Рен, раньше обычного. Хотя все это не имело значения, поскольку она уже проснулась.

Внезапно, впервые за последние недели, девушка почувствовала, что у нее появилась цель. На самом деле Рен не знала, как именно Лео мог ей помочь, но, по крайней мере, он мог сделать хоть что-то. И если при этом она получала удовольствие... Тем лучше.

Да, у нее немного стучало в голове, а во рту пересохло, но завтрак наверняка вылечит все ее недуги.

Если девушка и ощущала последствия своей поздней прогулки, то Лео выглядел намного, намного хуже. Они посмотрели друг на друга с разных концов обеденного зала. Хотя волосы королевского отпрыска все еще сияли, как завитки золота, а пиджак был безупречно чистым, он все же был бледен, а из глаз его пропал привычный блеск. Несмотря на не самое доброе расположение духа, когда Рен вошла в комнату, Лео улыбнулся и кивнул ей.

Девушка заколебалась. Должна ли она снова сесть за главный стол? Одиль все еще отсутствовала, а другие представители занимали те же места, но завтрак был определенно менее официальным, чем пир в честь приезда принца. Рен выполняла обязанности Одиль, а не просто грела для нее стул. Когда никто не обратил на нее внимания, девушка решила устроиться на скамейке и поесть вместе с остальными «провинившимися».

Тем не менее она наблюдала за главным столом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.